

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

ОКСАНА ВОЛКОВА

ПЕЧАТЬ
БЕЛЬФИМОРА

18+

Оксана Волкова
Печать Бельфимора

«Автор»

2026

Волкова О. И.

Печать Бельфимора / О. И. Волкова — «Автор», 2026

Наследник древнего рода бельфиморов, воспитанный под строгим надзором, в день своего совершеннолетия получает неожиданный подарок от друзей. Запретная свобода, случайные встречи и авантюризм рушат привычные взгляды юного Нэйтена. Но у свободы есть своя цена. Потому что в мире, где Старый и Новый свет воюют за власть, Нэйтен не просто наследник, он ключ к восстановлению расколотого мира или полному его разрушению. В поисках истины, герой исследует различные пути духа, открывает силу тьмы и проходит сквозь потерю себя. Он понимает, что обжигающая страсть и безусловная любовь идут порознь, а верность – это роскошь, которую не всякий может себе позволить. Каждый учитель заберет что-то, и отдаст взамен, но будут ли так легки уроки? Тайна скрывает не только происхождение Нэйтена, но и великую миссию, возложенную на него Старейшинами всех рас, что связаны общей целью на пути Равновесия. Сможет ли герой сделать выбор, чтобы на руинах прошлого определить свою судьбу и будущее мира?

© Волкова О. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Рассветный предел	7
Глава 2 Сюрприз на совершеннолетие	16
Глава 3 Заговорщики	24
Глав	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Оксана Волкова, Виктория Волкова

Печать Бельфимора

Пролог

Стук в дверь прервал Рафаэля от раскуривания кубинской сигары. Все давно уже было подготовлено к Совету, однако Князь клана Ниакрисс не ждал никого из сородичей раньше полуночи. Он сидел, вальяжно растянувшись в тяжелом кресле с большими продолговатыми ручками.

В кабинет бесшумной тенью скользнула фигура, одетая в черный камзол. Воротник полностью закрывал белую шею бельфимора. В изящных пальцах графа был свернутый трубочкой тонкий журнал. Странно, но в отличие от сидящего в кресле задумчивого Князя, губы Лоренцо Каваллини трогала едва заметная улыбка, лишь глаза были пустыми и безжизненными.

– Я не помешаю, ваше высочество? – лилейно сладким голосом оповестил Каваллини, делая несколько шагов по направлению к креслу. Шаги его были осторожны, как у охотящегося зверя.

– Проходите, граф. Что-то случилось? – холодно ответил Рафаэль Риццо, выпуская клубы дыма и удобнее располагаясь в кресле. Нельзя было сказать, что он сильно доверял своему советнику, однако во многом мог понимать его мотивы, чего уже было немало. Лоренцо всегда стремился блистать в глазах Князя и подобно невидимой тени делал большую часть работы.

Граф склонился в вежливом поклоне так, чтобы это не смотрелось излишне подобострастно и не вызывало сомнения, что жест был сделан с почтением.

– Тут такое дело, – осторожно начал Каваллини, театрально похлопывая трубочкой глянца по ладони, и подошел к шахматному столу, за которым сидел Князь. Он положил журнал прямо перед его носом. – Не то, чтобы дело, но определенно достойно вашего внимания. Тринадцатая страница. Весьма занимательное чтение.

Отметив это, Лоренцо ухмыльнулся и уселся на ручку противоположного кресла, закинув ногу на ногу и обхватив острое колено, выпирающее под тонкими серыми чулками. Рафаэль изумленно приподнял бровь, глядя на его беспардонное поведение. Очевидно, в статье было что-то такое, что позволяло графу вести себя подобным образом. Риццо взял журнал и открыл на тринадцатой странице.

– «СТАРЫЙ СВЕТ ПРОБИЛ ДНО. КАК ДРЕВНИЙ КЛАН ОБМЕНЯЛ ЧЕСТЬ НА ДЕВКУ!» – громко провозгласил Князь, и его лицо приобрело оттенки недовольной гримасы.

– Весьма любопытно, зачитайте мне, граф, – и он откинул журнал в сторону Каваллини, не желая самому становиться голосом желтой прессы.

Лоренцо вольготно расположился на ручке кресла и принялся читать дальше. Он покачивал ногой, и стащеная с пятки туфля поигрывала в воздухе.

«Сенсация! Та, кого должны были разорвать на куски диктует условия древнейшему клану! В плен к Старому Свету попала смутьянка из ренегатов – человеческая девка, что подняла руку на высших бельфиморов. По нашим данным ее взяли в особняке аристократического рода Марлик при соучастии в убийстве Старейшины. Казалось бы, дело ясное: шпионка должна подвергнуться ментальным пыткам и помешаться рассудком!

Но все пошло прахом!

Мало того, что мерзавка, вчера громившая наследный род, требует награду, хуже другое – достать информацию силой не выйдет! Как стало известно нашему изданию, сознание сму-

тыянки надежно защищено ментальным воздействием ренегатов. Отступники постарались на славу, закодировав свою сообщницу от любых попыток выведать тайны.

И теперь девка пользуется моментом! Она готова сдать всех с потрохами, но цена... Цена кусается! Она требует инициации! Она хочет стать бельфимором и получить силы, недоступные человеку.

И тут главный позор на весь Старый Свет!

Глава клана Барлион Константин Родионов, по слухам, готов проглотить наживу. Спланированный налет на семью Старейшины – так ли ценны эти сведения? Неужели древний род падет так низко и пойдет на сделку, променяв свою честь на информатора?

Высший закон Старого Света гласит не прикасаться к людям этого мира. А если Князь пойдет на поводу у шантажистки, он не просто нарушит Традиции – он плюнет в лицо предкам! Позор!»

По мере того, как граф зачитывал статью, Рафаэль Риццо потягивал сигару и перебирал в своей голове, какую из стратегий теперь выбрать выгоднее всего. Речь шла о нарушении законов, причем таком, что это тут же было отображено в грязной бульварной газетенке. Инициация человека – серьезнейшее преступление. Мало того, что гнусная статья компрометировала клан, который Рафаэль планировал сегодня поддержать на Совете, так теперь еще поднимала серьезный вопрос доверия и общих интересов. Князь знал, что оставлять без внимания произошедшее было нельзя, а заодно при должной поспешности, еще можно было накидать вистов на Марлик.

– Может, у вас есть идея, что мы будем с этим делать? – спросил Князь будничным тоном.

– Ваше высочество, – начал Лоренцо – Вы наверняка считаете, что дело это вызывающе беспринципное, а потому требует участия всех членов Совета, – он говорил осторожно, не делая акцентов на словах, чтобы ненароком не задеть гордость чопорного Князя. – Но как вы уже заметили, здесь замешан Родионов. Пока суд да дело, пройдет много времени. Хорошо бы узнать у инкогнито, кого он видел. Доверять дело Совету ни в коем случае нельзя, все лавры заберут себе, если вы понимаете, о чем я. Считаю, что для нас это выигрышная партия. Но всё же, мы ничего не можем предъявить кроме этой статьи.

– Для нас? Неужели, Лоренцо, вы и впрямь считаете, что я хочу биться за регенство, пока наследник клана Марлик не будет готов к становлению? – недоумение тут же скрасило лицо Риццо.

– Я лишь хотел сказать, что наследник требует особого внимания, он еще юн, взбалмошный икрит. Ему нужны наставники, искусные менталитики. И вы, ваше превосходительство, могли бы приложить к этому руку. Негласно, конечно. Клан Марлик истощен, а Ниакресс, как никогда, имеет все шансы выйти из тени и стать самостоятельной силой. Вам решать, до какой меры потребуется, так сказать... наше вмешательство. Я всецело полагаюсь на вашу мудрость, Князь, – Лоренцо слегка склонил голову в мнимом поклоне. То, что он сейчас сказал, было, конечно, последним делом. Но ради места под солнцем, по мнению графа, стоило рисковать.

– Ну что ж, граф, в ваших словах есть доля истины, – Рафаэль многозначительно улыбнулся. Манера советника высказывать свое мнение часто забавляла Князя. Право, уж на сковородке ведет себя похожим образом. Конечно, его всегда устраивало прислужничество и откровенная лстивость графа, если не сказать больше и хуже. Иногда так и подмывало, кивнув, заявить, что вот именно сейчас прогиб засчитан. Но он знал, что Лоренцо хитер.

– Отправляйтесь на поиски свидетелей, узнайте, как можно больше. Что да мальчика, я позабочусь об этом сам. Идите же, и не позволяйте себе лишнего до степени безрассудства! – Рафаэль встал с кресла, махнув рукой в сторону советника, как бы сообщая, что тот уже неприлично задержался в его поле со своими разглагольствованиями. Теперь ему необходимо было тщательно все обдумать в одиночестве.

Глава 1 Рассветный предел

Январское солнце почти зашло, и лишь отблески холодных лучей серебрили пушистые сугробы недавно выпавшего снега. Территория широкого поместья погрузилась в мертвую тишину, изредка нарушаемую далекой песней ветра. На аккуратно расчищенной от снега дорожке появились две фигуры, различающиеся в возрасте.

Статный мужчина в темно-зеленом плаще был явно молод и выглядел бы весьма привлекательно, если бы не шляпа хомбург, которая придавала ему зрелости, и не выражение его лица, выдающее острое беспокойство. Его высокий рост, длинные конечности и скользящая походка говорили о принадлежности его к темной расе бельфиморов. Михаэль торопливо пересек деревянный мостик над замерзшим прудом и направился к главному входу дома, ведя за руку еще совсем юного мальчика, на вид которому было около двенадцати. Мальчик был укутан серым шерстяным шарфом, его темные волосы небрежно растрепались по плечам, а довольно длинная челка лезла ему в глаза. С видом явного возмущения, он, спотыкаясь, время от времени, еле-еле поспедал за своим проводником.

Гости быстро поднялись по массивной лестнице из светлого мрамора с бурыми вкраплениями. Полукруглые дубовые двери распахнулись сами собой, и, не теряя времени, мужчина с мальчиком зашли внутрь. Они оказались в небольшом холле, пол и стены которого были выложены тем же камнем, что и лестница, но с иной, более матовой, шероховатой на вид фактурой. Холл освещался дневным светом, льющим из витражных окон в пол, и был уставлен мягкими диванами между сверкающих кристаллических колон. Из окон открывался завораживающий вид на скалы с водопадами. Слева на двери в холле красовалась золотая табличка с надписью «Кейт Лерой». Под ней висела еще одна, гласившая «*Argumenta ponderantur, non numerantur*» («Сила доказательств определяется их весомостью, а не их количеством»).

– Подожди здесь, Нэйтен, – тихо произнес бельфимор, указав на диван, и скрылся в кабинете. Мальчик послушно сел и кивнул ему напоследок, терпеливо скрывая сильное чувство раздражения. Он был потрясен и вместе с тем дико зол, что его внезапно забрали из дома. Он знал, что случилось нечто ужасное прошлой ночью, и что отца больше нет. Непонимание происходящего вызывало не просто ярое негодование, а поистине вопиющее чувство несправедливости.

Не могло этого случиться, просто не могло!

Спустя пару минут послышалось движение в кабинете, а после два мужских голоса начали диалог. Нэйт стянул с себя шарф, и осторожно на цыпочках подкрался ближе к двери, стараясь уловить суть разговора.

– Отсутствие совершеннолетнего наследника меняет дело, Кейт. Конечно же, клан Салюмейн беспрекословно поддержал меня, а Гойджу отправил немалую часть ресурсов на содержание этого поместья. В их верности я также практически убежден. Но Родионов... – Михаэль говорил в полголоса, очевидно, не забывший о присутствии гостя в коридоре – ... в его сердце закралось тщеславие. Когда он забрал девушку, что была с ренегатами, я отчетливо почувствовал неладное: все его существо наполнилось неистовой страстью к власти. Я не могу доверять ему.

Чтобы лучше расслышать детали, мальчик прислонился к двери. В это мгновение раздался второй голос, ранее незнакомый, более спокойный и ласковый, очевидно, принадлежавший господину Лерой.

– Именно поэтому твоя задача найти дипломатический союз с Рафаэлем. Убеди его содействовать. Ниакрисс славятся искусством убеждения, а тебе сейчас необходимы сильные менталитики рядом.

– А если в Аркадию проникнут ренегаты? Клан Барлион с начала времен защищает наследную семью, и Константин Родионов ясно высказался по этому поводу. Он отправит своих бельфиморов сюда, в Санавис, чтобы приставить к мальчику.

– Отпусти сомнения, мой друг. Сегодня я видел сон, светлый сон. Мальчик тверд духом, и он станет тем, кем ему предназначено стать. Образ пришел ко мне, как на яву, величественный и сильный пуще прежнего. Тебе не стоит волноваться за него, – и снова этот безмятежный голос, отличавшийся ясностью и глубиной. Нэйтену казалось, будто мудрец из самого Источника вещает истину. Он понял, что взрослые сейчас обсуждали работу его отца, про которую тот никогда не рассказывал, а молвил лишь короткое – «в свое время, мой дорогой сын, ты все узнаешь». При этом Нэйтен к своим двенадцати годам отличался не дюжей любознательностью, он умел сопоставлять факты, находить взаимосвязи и быстро доходил до сути. Он знал, что его семья принадлежит древнему роду бельфиморов клана Марлик, и что отец занимал высокое положение в обществе. А посему Михаэль, который всегда был не просто советником отца, а близким другом семьи, очевидно, обеспокоен будущим клана. И самим Нэйтеном.

– Ты определенно меня успокоил, Кейт. Однако есть еще кое-что. Эти часы принадлежали Томасу Шаттену. Я полагаю, ты сможешь их прочесть? – заключил вопросом Михаэль, и Нэйта слегка передернуло. Артефакт его отца был единственным доказательством случившегося, и любопытство узнать правду недавних событий неодолимо раздирало его.

– Какая занимательная вещица! Они ведь хранят память всех событий его жизни, надо же! Сделаю все возможное, друг мой, – Кейт Лерой стал расхаживать по кабинету, внимательно изучая артефакт. – Давай посмотрим!

Боль горячей волной затопила грудь Нэйтена, и все ощущения гнева, страха и разъедающей обиды стремились высвободиться наружу. Нэйтен так неистово желал увидеть все сам, что со всей силой дернул ручку двери и в то же мгновение с треском отлетел обратно к дивану. Пару раз пнув ни в чем неповинный диван, он сел на коленях и от беспомощности закрыл лицо руками. Ну вот, он сидит здесь в коридоре, дверь защищена, а они скрывают от него правду.

Он вдруг заметил, как его ладони начали наполняться мерцанием от проронившихся капель слез. Блестящие рассыпчатые блики играли между пальцев, становясь все плотнее и превращаясь в облако. Он вытянул руку, чтобы внимательнее взглядеться, никогда раньше мальчик не ощущал ничего подобного. Чувство злости и досады отступили и сменились приятными, необычными и совершенно новыми, будто опора появилась сама собой, будто самообладание вернулось к нему. Крупицы света спрессовывались все гуще, становясь твердыми и холодными, как лед. Мальчик взгляделся в кожу ладоней и поразился, как вдруг они стали гладкими и зеркальными, что он увидел в них свое отражение. Нэйтен, недолго думая, метнулся обратно к двери и приложил руки к дереву. Зеркальная гладь дрогнула, он отчетливо увидел, как дверь стала такой же прозрачной, словно стекло, и открыла ему взор на комнату по ту сторону.

Мужчина в длинном шелковом кимоно пурпурного цвета аккуратно держал в руках часы его отца и что-то приговаривал. Кисти рук и лицо его были усеяны различными золотыми узорами, которые сплетались между собой в единый рисунок, тянувшейся вверх до шеи, к лицу и, в конечном счете, соединявшийся на лбу в светящийся ромбовидный символ. Будто третий глаз, он был отличительной меткой расы Света – авеларов, искусных целителей и ясновидцев.

Мощный свет, как приливная волна хлынул из часов, когда авелар положил их на стол, а сам нырнул в голограмму последних запечатленных событий. Нэйт уже видел такое несколько раз. Незримое присутствие в прошлом, чтобы вспомнить все детали, так делал его отец. Только прежде Нэйтен никогда не становился свидетелем самого прошлого.

Он напряженно взгляделся в мерцающий свет. Перед ним стояла почти живая картина, в которой за столом сидели десять бельфиморов. Никого из них он раньше не встречал, за

исключением дядюшки Михаэля. Лиловый отсвет кристаллов в центре стола ложился на лица собравшихся восковыми масками.

– Мне нечего скрывать от вас, господа! Отступники уже начали вербовать людей на свою сторону, раскрыв нас и соблазнив их даром сил. Мы взяли заложницу, но ее сознание под сильным ментальным щитом. Клан не принимал никаких решений без участия Совета, – сказал один из них, потирая бороду и сощуривая злые черные глаза. Его кудрявые, смольные волосы, падающие на лицо, придавали ему сходство со зверем. – Но если хочешь знать мое мнение, то быть может, только после инициации сознание девчонки откроется для нас, как книга! Это не сделка, а часть допроса! И кто, сказал, что когда мы получим сведения и сможем нейтрализовать угрозу, она доживет до рассвета?

– Нельзя! – резко выступил другой бельфимор, зрелый мужчина с синевой в волосах и лучистыми глазами. – Мы не убиваем людей! Чем мы будем лучше отступников, прибегая к таким методам! Древний Закон Старого Света поддерживает Равновесие, Константин! Это мы оказались в реальности людей, и это мы заняли их земли!

– Но сколько еще таких искушенных смертных будет отправлено на растерзание в бой со стороны ренегатов? Мы не сможем спасти всех...

Нэйтен дернулся от двери, когда Михаэль по ту сторону обернулся, словно ощутив его присутствие, и наградил презрительным взглядом. Однако чуть позже он принялся расхаживать по кабинету из стороны в сторону, разговаривая с Кейтом Лерой в голограмме.

Значит, он не видит меня...

Мальчик, охваченный жгучим любопытством, стал наблюдать дальше. Жаль, ему теперь мешал Михаэль, то и дело заслонявший картину над столом. Он едва мог расслышать о чем говорили эти бельфиморы и разглядеть их получше.

Они явно спорят, о чем же они спорят?

Теперь при всем желании, Нэйту было сложно разобраться, что происходило в мерцании света. Он опустился возле двери, наблюдая, как Михаэль машет руками, а картинка за ним подрагивает время от времени, и свечение становится то ярче, то почти угасает совсем.

И вдруг все исчезло.

Кейт Лерой на мгновение вернулся из голограммы, что-то приговаривая, и начал вновь возиться с часами. Михаэль опустился в кресло, и они еще какое-то время пробыли в тихих перешептываниях, смысл которых мальчик никак не мог уловить. А потом сияние из циферблата возникло вновь, погрузив авелара в знакомое пространство. Это был дом Нэйтена.

Но, что там происходит?

Различно улавливались фигуры в темном одеянии, слышны были крики и стоны. Их было пятеро. Бьющиеся в агонии, они лежали на полу, скручиваясь от боли. Где-то вдалеке некто глубоко и редко дышал, но пальцы его, униженные перстнями, все еще крепко сжимали браслет часов на руке. Это был его отец, бившийся до последнего за свою жизнь. Через долю секунды, другой воин, тот самый похожий на зверя бельфимор с кудрявыми смольными волосами, ринулся к его отцу в попытках поймать его падающее на землю тело. Часы на руке умирающего вспыхнули, пламя вытянулось в тонкие дрожащие нити, словно пытаясь удержаться за грань реальности, а потом с тихим шипением обратилось в столбы дыма.

– Дальше закрыто... – прокряхтел мужчина в кимоно, вынырнув из видения. Теперь он стоял посреди комнаты, опираясь дрожащей рукой о край стола.

Прошлое ускользнуло, оставляя лишь горький привкус пепла на губах Нэйтена. Он был испуган так сильно, что его потряхивало не меньше, чем господина в комнате, а слезы ринулись из глаз с новой силой. Мальчик отскочил от двери, не в состоянии пошевелиться, просто замер, сидя на полу, как каменное изваяние.

Прошло, наверное, много времени, пока Нэйт собирался с мыслями, утирая рукавом капли на его щеках. В кабинете еще были слышны голоса, но мальчик уже не разбирал слов.

Неожиданно дверь отворилась, и голова с длинными золотыми волосами показалась в проеме. Кейт Лерой лучезарно улыбнулся ему и легким движением руки пригласил мальчика войти в кабинет.

– Утрите слезы, мой юный друг! Будьте же сильным и бесстрашным! – добрый голос Кейта заставил Нэйтена выйти из уныния и перевести на него свой взгляд.

Неуверенно поднявшись с дивана, мальчик прошествовал в кабинет и, остановившись почти у самого порога, стал с опаской разглядывать комнату. В камине глухо потрескивали дрова. Большой стол из орехового дерева с инкрустацией из черепахи занимал почти все пространство комнаты. На нем красовалась графитовая шкатулка с табачной смесью и курительная трубка из красного вереска.

– Добро пожаловать, Нэйтен. Располагайся и чувствуй себя, как дома, – продолжил господин Лерой, усаживаясь в свое кресло.

– Может мне кто-нибудь объяснить, что я здесь делаю? И когда я вернусь домой? – вырвалось у мальчика, прежде чем кто-либо из присутствующих решился снова заговорить. Он сложил руки на груди таким образом, чтобы дать понять им свое великое возмущение.

– Так уж случилось, что тебе придется остаться здесь, и спорить совершенно бесполезно, – начал диалог Михаэль поразительно грозным тоном. – Ведь ты уже знаешь, что твоего отца убили прошлой ночью. И у нас есть все основания полагать, что этого им недостаточно. Мы не можем допустить того, чтобы это случилось и с тобой. Вот, почему ты здесь.

– Кто они такие, и что им нужно было отца? – при упоминании об отце сердце мальчика сжалось от боли. Он только что видел все своими глазами, и это доставляло ему невыносимые страдания. Но он старался не подавать виду, что стал свидетелем тех ужасных сцен, которые тайно подсмотрел с помощью своих способностей к стихии воды.

– Это ренегаты. Те, кто отступился от Пути Равновесия. Но к великому сожалению, мы сами не до конца понимаем, чего именно они хотят, – констатировал Кейт Лерой. Он взял свою трубку со стола и закурил. Кабинет тут же наполнился легким ароматом хорошего вишневого табака. – Но мы это выясним. А пока ты будешь под защитой здесь и покидать Аркадию до совершеннолетия не сможешь.

Нэйт лишь презрительно фыркнул.

– Ага...отлично, я буду прятаться здесь пока моя мама...что будет с ней? – мальчик плюхнулся в кресло напротив сидящего дядюшки и уставился в пол, пытаясь подавить гнетущие чувства горести. Почему же он представляет такую вселенскую важность, а его родную мать оставили одну, без мужа, без сына, в страданиях от потери.

– Она не будет одна, – словно прочитав его мысли, мягко сказал Кейт Лерой. – Она вернулась в свою родную Аркадию, и ее не оставят без поддержки. Сандра - сильная женщина, Нэйт. И я смею предположить, что ты и не догадываешься насколько. Найди же и в себе духовные силы, мой юный друг, откинь свое невежество. Мой дом станет для тебя миром и трудом, а я надежным другом.

Лицо авелара вновь озарила поддерживающая, добродушная улыбка, и Нэйтен ощутил, как мощь и неведомая сила проникли в глубину его сердца, которую он понял впервые.

Михаэль наклонился к мальчику и понимающе похлопал его плечу:

– Мы знаем, что тебе сейчас тяжело. И пусть ты еще не осознаешь, как тебе повезло, когда-нибудь ты будешь благодарен. Учись с усердием и воспитай в себе достойного наследника.

Нэйтен не знал, что ответить, да и зачем, если за него уже все решили. Теперь он ясно понимал, что ничего не изменишь, и ему придется смириться со своей участью. Но страх больше не проникал в его сознание, какое-то новое чувство спокойствия и взрослой уверенности самом себе заискрились на обломках разбитой души.

В кабинете наступило неловкое безмолвие, только дым от курительной трубки расходился хаотичными тонкими завитками. Легчайший, чуть уловимый запах вишни смешался с шалфеем и какими-то экзотическими травами. Нэйтен вдруг отметил, как в его теле полегчало, напряжение спало с плеч, а лопатки мягко легли на спинку кресла. Он как будто провалился в состояние между явью и забытьем, но где-то отдаленно еще был слышен треск догорающих дров. Очевидно, табак хозяина кабинета был не просто курительной смесью, а неким успокоительным, дурманящим средством, оставляющим легкое головокружение.

– Опять этого оболтуса носит черт знает где! – молчание было нарушено господином Лерой, и мальчик поднял на него взгляд. Отчего-то его левая ладонь была прижата к виску, глаза закрыты, а его третий глаз во лбу искрился белоснежным светом. Было заметно, как кожа на висках его чуть натянулась, словно изнутри давила невидимая сила, а глазные яблоки под веками замерли, вглядываясь во что-то далекое. Он пытался кого-то отыскать за пределами этой комнаты, но кажется, попытки были тщетны.

– Асуто, найди этого бездаря позже, а сейчас приведи ко мне Миллисанту! – вдруг вымолвил Кейт, чей взор уже был открыт пространству комнаты, и замер в одной точке.

С кем он разговаривает? Кто такой Асуто?

Нэйтен обвел взглядом кабинет, но никого не увидел. Михаэля же поведение мужчины в кимоно несколько не удивило, он лишь еле улыбнулся уголками губ.

– Что же, полагаю мне пора, – ответил Михаэль, уже поднимаясь с кресла. – Нэйтен, я буду навещать тебя, надеюсь, ты быстро освоишься. Бельфимор поправил шляпу, и легким кивком головы дал понять, что его ждут дела.

И только последний луч солнца робко коснулся стола, прощальным жестом ознаменовав конец уходящего дня, раздался короткий стук в дверь. В кабинете появилась девочка примерно того же возраста, что и Нэйтен, с виду очень хрупкая и изящная. У нее были длинные белокурые волосы, заплетенные в два хвоста и необыкновенного цвета глаза. Ярко-голубые, они блестели даже в полумраке помещения. Должно быть, это и есть Миллисанта.

– Миллисанта, – обратился Кейт к светловолосой девочке, у которой было такое выражение лица, будто ей поручают задание мировой важности. – Это Нэйтен. Юноша только что прибыл к нам. Думаю тебе уже известно, что нужно делать? – девочка быстро кивнула – Тогда позаботься о нем.

– Спасибо, господин Лерой! – радужным тоном поблагодарила она, вероятно, готовая в любой момент трудиться на благо общества. – Я отведу его на ужин в галерею Мраморного моря и все ему расскажу.

Не успел Нэйтен среагировать, как она схватила его за руку и лихо потащила с кресла, а потом вон из кабинета. Ее прыти можно было позавидовать, но оказавшись в прохладном коридоре, он и сам почувствовал себя куда свободнее.

– Стой... – тяжело вздохнув, Нэйт на мгновение остановился, пытаясь как можно деликатнее высвободить руку из ладони девочки. – Не так быстро...

Захватив с дивана свой шарф, мальчик в последний раз бросил неодобрительный взгляд на дверь кабинета и поспешил за девчушкой. Надпись на золотой табличке под именем главы поместья изменилась. Теперь там было написано «*Feci, quodpotui, faciantmeliorapotentis*» («Я сделал все, что смог, кто может, пусть сделает лучше»).

Они вышли на холодный воздух, снег тихо падал красивыми хлопьями. Уже вовсю смеркалось, а где-то вдалеке виднелись огни большой усадьбы. Туда и направились двое молодых ребят.

– Смотри, как снег искрится! – начала Миллисанта диалог, натягивая теплые варежки. – Но нам нужно успеть на ужин! – девчушка встряхнула головой, как боевой конь, при этом два хвостика вздрогнули от неожиданного порыва.

– Я не голоден! – сухо ответил Нэйт и скривился в лице, будто его сейчас стошнит.

– На тебя не угодишь!

– Я и не просил.

– Понимаю... – немного грустно вздохнула девочка, задумчиво поджав губы. – Знаешь, Нэйт, тут совсем неплохо. Когда я впервые приехала сюда, я тоже возмущалась, но со временем полюбила здесь все: и утренний труд, и еду тетушки Элайзы, и особенно практики.

– Это вряд ли, но спасибо за утешение! – Нэйтен чуть ускорил шаг и быстро поравнялся с девочкой. – А что это за место?

– Мы находимся в Аркадии икритов – Санавис, в поместье Рассветный предел. Кейт Лерой основал его. Он Старейшина Света и считает, что его миссия – помогать нам развивать свои качества, – выпалила девочка на одном дыхании.

– О чем ты говоришь? Какие такие качества?

– Как это? Качества души, конечно же! Чтобы потом выбрать расу!

– Совершенно не понимаю, – нахмурился Нэйт, обвязывая шарф вокруг шеи. Им нужно было еще пересечь пруд, а мороз уже стал кусаться.

– Я несколько удивлена, что ты не знаешь ... – растерянно произнесла Миллисанта – мы здесь все икриты, все родились в разнорассовых семьях. И после совершеннолетия можем пойти по пути одного из родителей. Ну, то есть, в зависимости от того, какие качества души и способности преобладают.

– Я всегда думал, что мой путь определен, – мальчик вдруг крепко задумался, ведь до этого ему не давали выбор. Его отец всегда говорил, что он будет бельфимором и только, ведь он его единственный сын. – Получается, я тоже могу выбрать?

– На счет тебя не знаю, Нэйт. Но пойдем уже скорее, а то мы с тобой в две сосульки превратимся!

Он не заметил, как они обогнули беседку у старого пруда, и вышли на аллею с вековыми липами, ведущую к галереям. Парк перед главным домом жил по законам торжественной геометрии. Подстриженные самшитовые изгороди вычерчивали идеальные зеленые прямоугольники, в центре которых словно драгоценный камень, покоился фонтан. Амуры с облупившейся позолотой замерли в вечном танце, поддерживая чашу, из которой в теплое время года бьют водяные струи.

Миллисанта вдруг остановилась. Они зашли во двор, и мальчик обратил внимание, что он до отвала заполнен молодыми людьми разных возрастов. И к нескрываемому удивлению, все они смотрели на него. Однако, его спутница, надо заметить, была поражена чем-то совершенно иным.

– Что...? – задал глупый вопрос Нэйт, и хотел было добавить слово «случилось», но, увидев насупившееся лицо девочки, решил этого не делать. В ее глазах отчетливо выразался гнев и недоумение, а ладони были сжаты в кулаки.

– Кристалл! – сквозь зубы процедила Миллисанта. Мальчик огляделся вокруг, глазами выискивая предмет негодования, и тут же наткнулся на парочку ребят, стремительно приближающихся к ним. Это были юноша и девушка, явно старше возрастом на год или два. Юноша был атлетического телосложения и выглядел не слишком дружелюбно. Наверное, во всем была виновата его недовольная физиономия. Девчонка же, идущая рядом, постоянно хваталась за его локоть, и то и дело прижималась к телу юноши, однако не получала в ответ должного внимания, потому, как тот все время ее отпихивал. Назвать эту девушку красивой, скорее всего у Нэйтена язык бы не повернулся. Ее слишком тощее тело и длинные костлявые пальцы смотрелись бы куда лучше, если бы принадлежали умирающей с голоду ящерице. Тонкие губы, маленькие глаза и чуть заостренный нос тоже не говорили об ее привлекательности. Они остановились примерно в двух метрах от них, упершись едким презрительным взглядом. Поднявшись на носочки и неестественно выгнув спину, девчонка что-то прошептала на ухо парню. В

этот момент мальчику показалось, что у нее вот-вот сломается позвоночник, и он тихо хмыкнул.

– Что, зануда, новую игрушку себе нашла? – ядовито приснул атлет и покатился со смеху.

– А что, зависть гложет? Сам то, небось, никому не нужен, вот и остается, что кости с собой таскать. Чтоб хоть те не потерялись... – со странным спокойствием выдала Миллисанта, а на ее лице заиграла лучезарная улыбка, фальшивая, как неразменный рубль. Девуцу, стоящую рядом с парнем от таких слов заметно передернуло, и она снова вцепилась в его рукав, что-то бубня себе под нос.

Бедная девушка, мало того, что с фигурой проблемы, так еще и нервный тик...

Нэйт никогда не следовал методике кидаться на рожон, а потому решил пока не вмешиваться в завязавшийся спор, даже не смотря на то, что слова этого молодого человека были ему неприятны.

– Не игнорь ее, Дженсар! Видишь, девушка нервничает, – как ни в чем не бывало, продолжала Миллисанта язвительным тоном и сделала пару шагов в направлении юноши. Кажется, она считала такой поворот событий весьма забавным и воспринимала его, как новую недостающих эмоций.

– Успокойся, Миллис. Я же пошутил, а ты завелась и ведешь себя, как... – закончить фразу у Дженсара не получилось, так как его щеки мгновенно запылали огнем и он запнулся на полуслове, очевидно оттого, что девочка оказалась к нему слишком близко. Нэйтенов невольно расплылся в улыбке, осознав истинную причину такого поведения со стороны парня.

– Я веду себя, как кто? Закончите мысль, пожалуйста, – она иронично усмехнулась, продолжая в упор глядеть в глубокие темно синие глаза Дженсара.

– Как маленький ребенок, который вышел уже из того возраста, когда играют в куклы, но в сущности остался таким же! Только куклы поменялись на живых людей! – не вытерпел Дженсар, фыркнув для пущего эффекта, и покосился в сторону Нэйтена.

Нэйт тут же поймал его грозный озлобленный взгляд, внутри уже начинала закипать ярость.

Ну все, нарвался дружок!

Мальчик сделал пару уверенных шагов к рослому субъекту своего возмездия, однако, Миллисанта вдруг вскинула ладонь вверх перед самым его лицом, стараясь остановить его.

– Сними эту тошнотворную петушиную маску, она тебе не идет! Только курам на смех... – потешалась девочка с такой дерзостью, будто это было в порядке вещей.

– Да, кто бы зарекался, зазнайка! – рявкнул парень на порыве эмоций, уже круто сносивших ему мозг и замахнулся ладонью, в которой тотчас образовался огненный шар.

Туго натянутые нервы Нэйтена с треском лопнули, он больше не мог сдерживать себя. Из самой глубины его существа вырвалась тьма, стущаясь с каждым ударом сердца вокруг него и образуя темный воздушный поток. В одно мгновение этот поток с неудержимой мощью рванул вперед в направлении Дженсара, создавая при этом узкий коридор из языков тьмы между ними. Кристалл в неумолимом страхе отпрянула от юноши, которого мгновенно окутало облаком черного пламени, и упала в обморок. Дженсар же стоял, не в силах пошевелиться, а на его лице застыл невообразимый ужас. Темные потоки полностью поглотили тело парня, обвивая его, словно лентами, а потом внезапно с бешеной силой вонзились внутрь, и в один момент он рухнул в большой сугроб. Его неестественно скручивало, он стонал и бился в истерике. Лицо его исказилось от такой мучительной боли, что казалось, будто тысячи игл разом впиваются в его тело.

– Прекрати! Хватит! – в слезах закричала Миллисанта, пытаясь остановить Нэйтена. Но мальчик не мог этого сделать. Он хотел, очень хотел, но не мог. Сейчас он просто не справлялся со своей силой, безнаказанно вырывающейся из него. Он всего лишь хотел проучить этого заносчивого мальчишку, но переборщил, сам того не ведая.

Вдруг Нэйт почувствовал, как что-то тяжелое валится на него, выбивая почву из-под ног. Вероятно, в попытке унять его, девочке пришлось прибегнуть к отчаянным мерам. И тут все прекратилось.

– Что здесь произошло, господин Шаттен? – послышался откуда-то сверху суровый мужской голос. – Еще и дня не прошло, уже деретесь?

Нэйтен сел и быстро нашел взглядом источник голоса. Высокий статный мужчина с весьма крепким телосложением навис тяжелой фигурой над мальчиком. Его темно-фиолетовые глаза смотрели в упор, буравя хмурым, сердитым взглядом.

– Я–я...эм–м... – поднявшись на ноги, Нэйт застыл в полном изумлении. Весь двор собрался посмотреть на случившийся инцидент. Одни лицезрели развернувшуюся перед глазами картину с нескрываемым ужасом, а другие напротив, окаменели с открытыми от восхищения ртами.

– Как вы успели за такое короткое время нажить себе врагов?

– Это вышло случайно, я действительно не хотел... – еле внятно пролепетал мальчик.

– Ну-ну, – покачал головой молодой мужчина и обратился к двум стоящим неподалеку воспитанникам поместья – Брэндон, Дженифер, отведите пострадавших в целительную галерею.

Молодой человек по имени Брэндон кивнул и стал помогать Дженсару, а его подруга начала усиленно трясти за руку Кристалл, дабы привести девицу в сознание.

– На каком уровне вы владеете стихией тьмы? – неожиданно любопытствовал мужчина, задумчиво потирая свой подбородок, и с воспламеняющимся интересом стал разглядывать Нэйтена.

– Подмастерье первого уровня, – с сомнением выдал мальчик, вспоминая свои последние тренировки этой способности.

– Нет, тут уже далеко не первый уровень. То, что я видел переступило эту черту. Вероятно, вы не догадывались об этом, вот и вышло у вас все из-под контроля.

– Простите, господин Аркет, но как такое может быть? – с недоумением спросила Миллисанта, которая, поднявшись, уже стояла рядом с Нэйтеном.

– Все может быть, моя милая, – довольно улыбнулся мужчина. – Проследите, чтобы господин Шаттен не вляпался сегодня еще в какую-нибудь переделку, – и, покрутив в руке длинную малахитовую трость, он двинулся по своим делам.

– Ты как? – спросила Миллисанта, как только пострадавшие и мужчина с тростью исчезли из поля зрения.

Мальчик до сих пор пребывал в некотором ступоре, а мысли беспорядочно суетились у него в голове. Море вопросов и ни одного ответа.

– Нормально, наверное, – процедил сквозь зубы Нэйтен. – Сама как? Все в порядке?

– Ах, Нэйт! – выпалила девочка и неожиданно бросилась ему на шею, уткнувшись в крепкое юношеское плечо. Мальчик не предвидел такого поворота событий и вздрогнул, как только почувствовал прикосновения. – Как же он меня бесит! Гадкий, отвратительный придурок!

Нэйтен посочувствовал этой маленькой девочке с двумя озорными хвостиками, которой, наверняка, приходилось изо дня в день терпеть подобные унижения. Он все также стоял в оцепенении, совсем не понимая, что ему делать, тем временем как всюду мелькали любопытные уши и глаза.

– Ну что ты, не плачь... – безнадежно пытался успокоить ее мальчик. – И все-таки странные вы, девчонки! Тот парень к тебе равнодушен, – тихо сказал Нэйт, удивительно пронизательный и слишком серьезный для своих лет. – Но я не хотел, чтобы так вышло...

– Спасибо, что пытался меня защитить, – ответила Миллисанта, вытирая рукавом свои слезы. – Такое иногда случается от переизбытка чувств и эмоций, поэтому ты не виноват. Я

раньше тоже не всегда могла сдержаться и выплескивала все наболевшее. Но мастер Аркет хорошо обучил меня и тебе тоже поможет.

– Звучит обнадеживающе! А кто такой этот Аркет?

– Это наш наставник по Темным искусствам. Ричард Аркет раньше служил в клане Барлион, но теперь он здесь, обучает нас контролю эмоций. Уж не знаю, что с ним произошло.

– Вот это понижение! – хмыкнул Нэйт, отстраняясь от девочки и поправляя свой развязанный шарф. – Получается, ты хорошо владеешь своей стихией?

– Достаточно, чтобы не напускать тьму по первой прихоти, – оживленно рассмеялась девочка.

На душе у Нэйтена сразу потеплело. Как чудесно было видеть ее снова улыбающейся!

– Значит, по-твоему, я нравлюсь Дженсару?

– Думаю да! – мальчик одарил ее робким взглядом, завязывая потуже шерстяной шарф.

– Зачем же тогда быть таким жестоким? – густо покраснев, спросила Миллисанта.

– Нууу, мне сложно это объяснить... – замялся Нэйт, всматриваясь куда-то вдаль. Продолжать этот диалог ему больше не хотелось.

– Хм... Ладно, пойдем, – вдруг улыбнулась девочка и побрела в сторону жилых галерей.

Нэйт поразился, как легко она это сделала. И все же не сомневался, что они еще не раз вернуться к подобным разговорам. Но сейчас он быстро зашагал рядом с Миллис, а она радостно и по-дружески обхватила его под руку, и при одном взгляде на нее Нэйтен почувствовал, как висевший на душе камень стал чуточку легче. Теперь он заметил, как красиво ложился снег, как появились звезды на чистом небе, как вдали сверкали огни, и раздавались счастливые возгласы жителей поместья. Картины пережитого за ночь все еще колюче всплывали в сознании мальчика, но могущественный образ Кейта Лерой теперь доверительно оттеснял внутреннюю бурю. Казалось, тьма, только что готовая поглотить все вокруг, вдруг обрела берега. Тьма встретила свет, а Нэйтен Шаттен новую подругу.

Глава 2 Сюрприз на совершеннолетие

Прошло чуть больше пяти лет.

Здесь на границе неба и земли, где ветер носит соленую свежесть океана, а скалы помнят тяжесть первых дней творения, стоит поместье Рассветный предел. Оно не построено руками человеческими, а выращено самой природой стихий. С отвесного обрыва, словно каменная река низвергается вьющаяся лестница. Там далеко внизу лежит бескрайний океан, дышащий влажной прохладой и свободой. С противоположной стороны, укрытой от соленых ветров, раскинулись сады с цветущими кустами, и звучно бьют фонтаны, затерянные в укромных двориках. Вокруг гуляют диковинные птицы, и плющ оплетает колонны, создавая островок райского пристанища на этой суровой высоте. Сердце поместья – усадьба, с его жилыми галереями, что объединяют икритов познанием Великого пути Равновесия. Южное крыло, ближе к солнцу и садам отводится детям. А северное, откуда хорошо виден необъятный горизонт и слышен шум прибоя, занимают старшие юноши и девушки. Именно здесь, в практике своих способностей и совершенствовании духовного знания жил Нэйтен последние несколько лет.

Утро в галерее Мраморного моря всегда было особенным временем. В уютной гостиной, что заливалась молочным светом витражного купола, ежедневно собирались шесть человек на завтрак. Пожалуй, никто не мог понять, чем они все были связаны, и какие у них отношения, но ясно было одно – живость и смех здесь долго отдавались гулким эхом на все поместье.

Однако сегодня Нэйтен шел в гостиную в гордом одиночестве, ощущая с самого утра некоторую потерянность. Сегодня ему исполнилось восемнадцать, и он не знал, что чувствует. За время, проведенное в поместье, он сильно вымахал в росте, его тело стало крепким и поджарым и дышало той юношеской мощью, в которой любят укрыться нежные девчонки. Лицо его с выразительными скулами возмужало, и точеный подбородок оброс легкой щетиной. Черные волосы падали на плечи, вечно растрепанные ветром. Особенно докучала длинная челка, поэтому юноша часто стягивал пряди в тугий хвост на затылке, открывая лицо. Фиолетовые глаза по обыкновению были живыми, глубокими и чуточку дерзкими.

Еще несколько лет назад, впервые войдя в двери Рассветного предела, Нэйт не догадывался, как девочка с двумя озорными хвостиками изменит его жизнь. Миллисанта в это утро сидела в белом кресле раковине и, подогнув под себя оголенные лодыжки, глубоко погрузилась в старую книгу в темном переплете. Она не слышала его шагов, она читала, и светлые волосы падали ей на плечи небрежными локонами. Свет витражного купола струился по ее лицу, высвечивая тонкие скулы, плавный изгиб бровей и длинные ресницы, отбрасывающие тень на щеки. Ее лик был миловидный и невинный, но те, кто знал ее по-настоящему, понимали, что за очаровательным лицом скрывается твердый характер и зоркий глаз. Она умела слушать и слышать, будто каждое слово это драгоценность, и видела фальшь насквозь, да так, что ее замечания могли разрушить самую идеальную конструкцию обмана.

При всем этом популярность у противоположного пола пришла к ней рано. Однако, по словам самой девушки, внимание молодых ребят казалось ей слишком назойливым и дотошным для ее весьма скромной персоны. Как известно, выбор Миллис уже давно пал на одного единственного представителя мужского пола, полную ей противоположность – на резкого и порой даже грубого парня Дженсара. Кто бы мог подумать, что этот парень, которого Нэйтен в первый же день своего пребывания в поместье умудрился отправить в госпиталь, станет ему очень хорошим другом!

– Оо, Миллис, ты читала всю ночь? – впервые за сегодняшнее утро Нэйт проронил пару слов.

– Нэйтен! – девушка подняла белокурую голову, и их взгляды встретились через всю гостиную сквозь утренний свет. Юноша увидел, как строгость сменила лучезарная улыбка. – Моя инициация через месяц, а мне кажется, я совершенно не готова!

– Ты давно готова!

Нэйт прошествовал внутрь комнаты, и опустился в такое же белое кресло рядом с подругой. Между ними был маленький столик из оникса, на котором стояли серебряный кофейник и пару фарфоровых чашек.

– Или, думаешь «Плеяда Великих Иллюзионистов» поможет тебе стать бельфимором? – усмехнулся Нэйт.

– Ладно-ладно, не юродствуй! – девушка закрыла книгу, заложив страницу пальцем, и внимательно посмотрела на Нэйтена. – Хочешь кофе?

– Не откажусь, – Нэйтен взял две чашки и налил черный кофе. – А где все?

– Эмм, они немного заняты пока. Кстати, с днем рождения, Нэйтен! – Миллисанта отложила книгу, и потянулась к юноше чмокнуть его в щеку. – А это тебе!

– Подарок? – лицо Нэйтена озарилось улыбкой. Он редко проявлял чувства на людях, но этот жест вызвал у него самые приятные эмоции. В ладонях лежала коробочка, плотная и матовая, перевязанная золотой лентой. Одернув ленту, юноша ловко обнажил белизну крышки и открыл ее. Там, утопая в ткани, словно в невесомых облаках, покоилось кольцо. Это был кит из белого золота, холодноватого и благородного, хвост которого инкрустирован голубыми камнями. Кит плывет, будто уходя в глубину, размахивает хвостом и создает брызги россыпью топазов.

– Это от нас всех! Стоит только дотронуться до него и произнести имя, оно станет холоднее льда! Так ты сможешь связаться с любым из нас, если возникнет необходимость! – девушка говорила с невероятным вдохновением, слова лились из нее неудержимо, а глаза искрились тем особенным светом, который зажигается только тогда, когда человек касается истинной своей стихии.

– Это великолепно! Сама сделала? – парень в недоумении и восторге смотрел на нее и чувствовал, как мир внутри переворачивается.

– Ну почти, Дженсар тоже поучаствовал, а Исиль доставал камни, это было целое приключение!

– Могу себе представить! – усмехнулся юноша, надевая кольцо на безымянный палец левой руки.

– Мы сделали для каждого из нас, – девушка протянула свою ладонь тыльной стороной, перебирая пальцами в воздухе и показывая свое, в точности такое же. – Я думаю, мы их испробуем уже скоро!

– Надеюсь на это, Миллис. Дядюшка Михаэль приедет завтра. Мастер Лерой сказал, что это не просто поздравление с днем рождения, они хотят сообщить мне что-то очень важное! Думаешь, мне разрешат покидать Санавис? Я так долго этого ждал!

– Конечно, разрешат!

Солнце поднималось, купол над головой наливался светом, тысячи мелких бликов сновали по мраморному полу, медузы в большом аквариуме во всю стену начинали свой медленный утренний танец, а стефанотис рассыпал вокруг свои восковые звезды. Нэйтен и Миллисанта обменивались новостями в приподнятом настроении. Она поведала ему, как они с Дженсаром в очередной раз поссорились, усмехаясь над собственной наивной влюбленностью в такого упрямого. А также показала письмо, что прятала в книге все утро, написанное неровным и скачущим почерком от самого юного в их шестерке, белокурого мальчика Кью. Тот, кого они еще помнили нескладным мальчишкой и опекали, вещал свои неуклюжие признания в любви, однако с такой отчаянной, искренней нежностью, что у любого взрослого защемило бы сердце.

Стеклянный пол вестибюля привычно дрогнул под ногами, и едва уловимая ритмичная вибрация прошла по всему периметру, как в гостиной явился лик Дженсара. Его широкие, развернутые плечи вошли первыми, а темные синие, как сапфиры, глаза устремились на друзей. Миллисанта инстинктивно спрятала записку обратно в книгу, а ее выражение лица приобрело испуганно-виноватый вид.

– Всем прекрасного утра, надеюсь, я не потревожил своим внешним видом ваши духовные устои? – Право же, черная кожаная куртка сидела на нем, словно каменистая порода, обточенная ветрами. Швы на плечах топорщились, а воротник был поднят будто гребень скалы, готовый принять на себя удар. – Что это вы там прячете?

– Всего лишь задание по Темным искусствам, Дженс! У Миллис инициация через месяц! – констатировал Нэйт с настороженной отчужденностью, которая, как защитная стена воздвигалась в долю секунды.

– А слышал, – голос парня в кожаной куртке казался стальным, а в его осанке читалось напряжение хищника. Было заметно, как его лицо исказилось в гримасе ревности, очевидно Дженсар догадался, что это очередная записка от белобрысого, но виду не подал. Он подошел ближе и хлопнул друга по плечу. – С твоим совершеннолетием, дружище!

– Спасибо друг! – усмехнулся юноша, искоса поглядывая на Миллис. Он только что спас ее одной фразой, превращая улику в священный артефакт.

Миллисанта выдохнула и медленно сползла по креслу, ее плечи еще чуть дрожали от напряжения, но легкой улыбкой в сторону союзника она дала понять, что благодарна ему.

– Ах да, я чего тут собственно. Нэйт, сегодня вечером занят? – перевел разговор Дженсар, усаживаясь напротив обоих.

– А что такое?

– Приходи на пляж сегодня вечером. Посидим, костер все дела. Ничего особенного!

– Ой не, я пас. Ты же знаешь, я не любитель такого, – начал было отнекиваться юноша. Он знал, что, соберись они всей честной компанией вне гостиной, тут же налетят и другие воспитанники поместья, норовя войти в кружок «избранных». Особенно ему докучала Дэмира, о влюбленности которой, кажется, знало все поместье, а юноша по своей деликатной натуре не мог отослать ее.

– Да брось ты! Не вечно же сидеть в четырех стенах! – оживилась вдруг Миллисанта и подалась вперед, бросив хитрый взгляд на своего любимого.

– Да кто бы говорил! – передразнил девушку Нэйт. – Вы что-то задумали, верно?

– Мы просто хотим провести вечер с лучшим другом в его день, без всяких там сюрпризов! – врал Дженсар, да так откровенно и бездарно, что сразу стало ясно: сюрпризы будут и еще какие!

– Просто посидим? Без сюрпризов, говоришь? – и лишь предательские искорки в уголках глаз выдавали, что он раскусил их заговор.

– Да, выпьем горячего чаю с мятой! Идеальный тихий вечер!

– С мятой, ага, – эхом повторила девушка, и голос ее дрогнул. Играть на публику у нее совсем не выходило. Она слегка прикусила губу, еле сдерживаясь от смеха.

– Да! – обрадовался парень в куртке, принимая эту дрожь за одобрение.

– И спать в девять, наверное, пойдем? – при виде лица подруги Нэйт издал едкий смешок, и этого оказалось достаточно, чтобы сорвать все предохранители.

– В одиннадцать! И оденься... ну, как обычно. Совершенно не важно.

– Прекрати, Дженс! – не выдержала девушка, размахивая руками, дабы остановить этот провал. – Ты всю малину испортишь!

Миллис подавилась смешком, а потом расхохоталась на всю гостиную. Смех хлынул таким потоком, такой лавиной, что воздух стал сотрясаться, а фарфоровые чашки чуть не улетели на пол. Дженсар, все еще стоявший рядом, с обиженно-насупленным видом, вдруг шумно

выдохнул, его плечи затряслись, а из груди вырвался сдавленный хрип. И уже через секунду оба парня заливались раскатистым хохотом. Еще юные и совсем счастливые, они безоглядно и самозабвенно отдавались этому процессу.

– Я рад, что вы у меня есть! Все вы. – Нэйт улыбнулся друзьям. – Это будет лучший вечер!

Нэйт, смотревший на раскрасневшегося друга, и на улыбку Миллис, ощущал, как его сердце наполняется теплотой и благодарностью. Это были его люди, его семья. Не по крови, а почему-то большему. По тому, как доверчиво Миллисанта делилась секретами, по тому, как Дженсар, переборов свою ревность, нашел в себе силы просто пригласить на праздник и не устраивать сцен. По тому, как самый младший обрел смелость признаться в чувствах. А где-то еще двое участников, близких друзей, наверняка возились с сюрпризом, договаривались, прятались и рисковали быть пойманными.

Лунная дорожка стелилась по воде, дрожа и рассыпаясь на тысячи серебряных осколков. Двое беглецов из мраморного плена сидели на старых бревнах, выброшенных морем и отшлифованных волнами до гладкости. Миллисанта чертила пальцем на песке узоры, а Нэйт смотрел на горизонт, где море сливалось с небом в чернильную бесконечность. Он зябко обвел взглядом пустынную береговую линию: вокруг ни огонька, ни обещанных дров, ни даже намек на вечеринку.

– Слушай, а что костра не будет? – Нэйт повернулся к подруге, и в голосе его сквозило искреннее, почти детское недоумение.

– Сейчас все явятся, и начнется! – она усмехнулась и поправила капюшон его серой толстовки.

Дженсар появился незаметно. Нэйт не слышал шагов, ни дыхания, он лишь почувствовал, как воздух стал плотнее, будто сама ночь сгустилась у него за спиной. Бесшумно, как невидимая тень, Дженс вдруг оказался рядом с Миллис и положил руку ей на макушку, заставив охнуть от неожиданности.

– Не надо так делать, Дженс! – обернувшись назад, испуганно завопила Миллисанта и заколотила его по торсу своими тоненькими ручками.

Парень только усмехнулся ее безнадежным движениям и еще пуще потрепал по голове, обходя друзей и снимая любимую кожаную куртку. Под ней оказалась простая черная футболка, влажная на спине, облепившая торс так плотно, что рельефные грудные мышцы выступали сквозь тонкую ткань. Он тренировался каждое утро без единого выходного, так как готовился принимать участие в отборочных испытаниях в отряд элитных бойцов бельфиморов клана Барлион. Он также был единственным, кто уже прошел становление в расу и сильно гордился своими достижениями.

– Задержали меня! – начал он спокойно, объясняя друзьям свое опоздание.

– Тебя поймали?

– Хуже! Белобрысый малец засранец! Пришлось слегка приложить...

Нэйт присвистнул и растянулся в улыбке. Миллисанта прикрыла рот ладонью.

– Но ментальный удар был слабоват, не бойсь! К утру очухается, зато не выдаст нас, – горделиво отвечивал Дженс на изумленное лицо девушки. – Он еще слишком мал, чтобы брать его собой.

– Слишком мал для чего? – Нэйт поднял взгляд на друга, поправляя растрепавшиеся от ветра волосы.

– Наберись терпения, Нэйт! – Миллис поднялась с бревна и подошла обнять своего Дженсара. Как бы она не злилась на него, все равно верила, что ее свет проникнет в его темные уголки души.

Самого буйного в вышеупомянутой шестерке, по обыкновению ждала вся честная компания. Исиль, всей душой презирающий своего чокнутого, как он не раз говорил, братца и по

совместительству хозяина поместья, вылетел из темноты весь растрепанный, с пучком рыжих волос на голове. Он выглядел так, будто сама стихия беспорядка приняла облик и явилась миру. Несколько упрямых прядей падали на лоб, а лицо его, веснушчатое, светилось такой необузданной радостью, будто он выиграл в лотерею.

– Ребята! – выпалил он, запнувшись о корягу, едва не растянувшись на песке. – Я через кусты ломился, там ежевика, я весь в колючках! Но я успел, да?

– Рыжий! – обернулся Дженсар и громко рассмеялся. – Ты бы еще к утру пришел!

Рыжий, без которого побег не побег, плюхнулся на песок, тяжело дыша. Он был одет с особым шиком небрежности, который доступен тем, кому плевать на чужое мнение. Рубашка, когда-то белая, а ныне неопределенно серая от вечных приключений, была заправлена наполовину. Рукава были закатаны кое-как, левый выше правого, и открывали худые руки с жилистыми запястьями.

– Смотрите, что у меня! Стащил у Кейта! – он протянул друзьям ладонь, в которой бережно держал свою добычу, укутанную в платок.

Старинный артефакт был размером почти во всю ладонь. Чуть приплюснутый сверху, он был круглым и тяжелым, с весом настоящей истории. Корпус сделан из благородного золота, а по всему периметру узоры, оплетающие его, словно дикий виноград. В них угадывались листья и загадочные существа, застывшие среди крошечных камней, которые то и дело вспыхивали искрами. В центре артефакта циферблат, но не часовой, а подчиняющийся иным правилам: под стеклом, будто разноцветное пламя танцевали языки – синие, желтые и фиолетовые. Казалось, внутри заключена маленькая вселенная, где жизнь текла по своим удивительным законам.

– Эхо Пустоты! Смотрите, в нем застыло пламя первых миров! – сказала Миллисанта, не в силах оторвать взгляд от переливов.

– Вот это да! – удивленно произнес Нэйтэн, подходя ближе. – А что это?

– Это, можно сказать, дверь! Дверь в пространство! – отозвался Исиль.

– Мы покинем Аркадию?

– Естественно! Тебе сегодня исполнилось восемнадцать! Пора окунуться в блуд и разгильдяйство, братишка!

– Не порть мне друга в первый же вечер, Ис! – воскликнула Миллис.

– Но я хочу! В смысле... я сам решу, ладно? Как работает эта штука? – Нэйт уловил, как девушка насупилась, но показательно не обратил на это внимания.

– Я видел, как брат крутил вот эту кайму с листьями и что-то бормотал.

– Думаешь, обязательно надо что-то сказать? – Дженсар озадаченно посмотрела на рыжего. – Насколько мне известно, порталы открываются по внутреннему намерению. Давайте возьмемся все за руки! А я покажу место!

Дженс, который готовил вечеринку полдня, первый протянул руку Нэйтэну. Поколебавшись секунду, все четверо вскоре стояли в узком кругу.

– Готовы?

Нэйтэн сжал руки друзей, и тут в его голову полилась картина, где живые музыканты играли под теплым светом на сцене, а люди вокруг покачивались в такт мелодии и подпевали. Через мгновение воздух вокруг них завертелся, разноцветное пламя полыхнуло из Эхо, освящая весь пляж, а море будто затаило дыхание. Всех четверых окутала пелена, рисуя в воображении саксофониста, высокие барные стулья и самого бармена, ловко жонглирующего шейкером. Нэйтэна будто пронзило током, он ощутил, как световое пламя накрыло их с головой.

Песок под ногами исчез, луна погасла, и только гул в ушах и чьи-то пальцы, сжимающие запястье до боли. Нэйт открыл глаза и увидел ночной город, освещающий своими фонарями мокрый асфальт дорог. В двух шагах от него горела неоновая вывеска, красные буквы которой складывались в слова «Не паркуй душу». Исиль стоял на коленях прямо посреди тротуара, а Дженсар с Миллисантой все еще крепко держались за руки.

– Получилось! Свобода! – прокричал в голос Нэйт, и все разом расхохотались.

– Ну что, вот ты и в людском мире, приятель! – Дженс шагнул к нему и поравнялся, а в его голосе звучало мальчишеское озорство.

– Пошли! – Исиль ловко подпрыгнул, и, не отряхнув брюки, прошествовал напрямиком в бар.

Они вошли внутрь – четверо из другой вселенной, чтобы хотя бы на одну ночь стать самой простой, отдыхающей молодежью. Настоящий, живой джаз ударил по ушам так, что у Нэйтена подкосились колени. Саксофон рыдал где-то справа, контрабас гудел в середине, а левее рассыпался ледяными каплями рояль. Здесь, казалось, не задавали лишних вопросов, лишь улыбались и поднимали стаканы в знак приветствия.

Из полумрака высокой стойки, отделявшей вход от основного зала, вынырнула фигура. Это был высокий и худой юноша, самый старший в их шестерке, с черными, как смоль волосами, будто специально уложенными в некое подобие ежика. Самый благоразумный из всех, он предпочитал официальный стиль в одежде. Атласные рубашки, застегнутые на все пуговицы, иногда строгие жилетки, брюки черного цвета и модные лаковые ботинки были неотъемлемой частью его гардероба. Одним словом, Брэндон всегда старался выглядеть эффектно, чем по праву сводил с ума всю женскую половину поместья.

– Ну наконец-то! – закричал он громко, да так, что саксофонист сбился на пол такта, но тут же подхватил мелодию снова. – Я уже думал, вы никогда не решитесь!

– Брэндон!

– Собственной персоной, Нэйт! – черноволосый облапил его и прижал к себе, хлопнув по спине. – С днем рождения, брат! Восемнадцать – это тебе не хухры-мухры!

Лавируя между столиками и самой жизнью, что кипела в баре, Брэндон уверенно повел своих друзей вглубь, где за тяжелым бархатным балдахинном скрывалось уютное пространство. Напольные диваны с узорами занимали основное убранство комнаты. Обложенные множеством подушек разной формы и цвета, а также лоскутными и шелковыми тканями, они были расставлены по периметру всего пространства. Между ними уютно устроились высокие кальяны с разнovidными вкусами табака, а по центру на столике уже возвышался прозрачный графин с вином и был разложен фуршет из заморских закусок и яств.

– Прошу к столу! Выпьем же за именинника! – Брэндон разлил по бокалам вино, пахнущее травами и медом.

– За Нэйта! – подхватили хором остальные, чокаясь и звеня стеклом.

– Только не напейся, Ис! – парировал Брэндон, наблюдая, как рыжий уже опустошил бокал и наполняет следующий.

– Помните, как я забрался в погреб братца? Мы тогда с Диланом выдули по меньшей мере три бутылки! И ничего нам не было! – смеялся в ответ тот.

– Да что ты! Тебя ведь отстранили от кураторства Нэйта! – вставила Миллис.

– Зато ты с этой задачей справилась на ура! – сказал Нэйтен, ехидно ухмыляясь. – Я только благодаря этому не превратился в такого же оболтуса!

Все пятеро смеялись и улюлюкали, болтая и перебивая друг друга, вспоминая разные истории. Но вдруг музыка, льющаяся из-за ширмы, сменила свои привычные ноты джазовых гармоний на что-то легкое и голосистое. Нэйтен поднялся с дивана, и его ноги сами понесли к выходу. На сцене стояла девушка и пела, лишь теплый свет освещал ее лицо, а каштановые волосы были убраны в волнистый хвост. Ее голос дрожал, ноты срывались, что резало слух, а музыканты переглядывались беспомощными улыбками. Она пела так коряво, что Нэйт едва не рассмеялся. Однако ее глаза были так грустны и отчаянны, что казалось еще секунда, и они наполнятся слезами и зальют всю сцену. Она пела разбитую песню о потере и пустоте, с такой горечью и жалостью, что у юноши дрогнуло сердце. И после того, как завершился последний куплет, весь зал наполнился тишиной, лишь кто-то хихикнул в углу от такого безобразия. Но

Нэйтен, сам не понимая почему, стал первым, кто громко захлопал в ладоши и присвистнул. Пару глухих аплодисментов последовало за ним.

– Красивая! – проговорил над самым ухом Дженсар, неожиданно оказавшись рядом.

– Ага, только петь не умеет!

– Но ты, это... Иди познакомься. Не дрейфь! – друг толкнул юношу плечом и подмигнул.

– Да только смотри, не выдай нас. Хоть мы с виду и похожи на них, но люди могут заметить необычные для них повадки, жесты или внешние черты.

Музыка утихла. На сцене заерзали музыканты, складывая свои инструменты и сменяя друг друга. Вскоре вместо ансамбля синими огнями засветился ди-джейский пульт, а парень в наушниках склонился над ним с сосредоточенностью хирурга. Зал преобразился, столики сдвинули, освобождая пространство для танцев, и тех, кто еще минуту назад чинно дотягивал свой виски, теперь выбрались в центр, начиная двигаться в такт.

– Вот это да! Сейчас начнется самое веселье! – ликовал рыжий, высовываясь из-за ширмы.

– Пошли танцевать! – и Миллис потянула за руку Дженсара, чье лицо в мгновение скривилось от безысходности.

Нэйтен же поспешил выйти на воздух. Как он и ожидал, на улице он нашел ту заунывную певичку, которая первой выпорхнула из бара. Она стояла, прислонившись к фонарному столбу, и потягивала странную курительную штуку. Ее зеленые, как изумруды глаза светились блеском от света ночного города.

– Ты тот парень, который захлопал первый? Спасибо тебе! – она легким движением руки убрала странное приспособление в карман и двинулась навстречу.

– Я это... хотел поддержать тебя! Но по правде это было ужасно! – бесцеремонно выдал Нэйтен, часто выражающийся прямолинейно, хотя и не был обделен чувством такта. Внутри что-то защемило: ему так хотелось пообщаться с ней, но он ощущал некоторую неловкость, какую еще не испытывал. Он попытался улыбнуться. Теперь он считал, что выглядит полным болваном.

– Это и впрямь было плохо, но так я зарабатываю на жизнь, – девушка переступила с ноги на ногу и расправила плечи. Глаза ее выражали одновременно несомненную почти дикую до безобразия пустоту и тайное, давно уже дремавшее в глубине души чувство уверенности в том, что не все так безнадежно. – Кстати меня Миатой зовут!

– Нэйтен! – искренне вымолвил юноша, внимательно изучая ее поведение. *Она ведь из другого мира, как же это интересно!* – Что значит, зарабатываешь на жизнь?

– Ты что с луны свалился?

Нэйтен с трудом собрал все свои мысли в одно целое. Будучи гостем в этом пространстве, он понимал, что совсем ничего не знает о людях и о том, как здесь все устроено, хоть ему и рассказывали. Он ясно понимал, что должен притворяться таким же простым смертным. Но на практике это оказалось не так просто.

– Можно и так сказать, – он усмехнулся, не зная, что ответить. – Мы там празднуем, пойдешь с нами? – со всей решимостью спросил Нэйт, не давая себе ни секунды пожалеть об этом. Он засунул руки в задние карманы брюк и стал слегка перекачиваться с ноги на ногу. Его охватил жар и волнение, в надежде, что она согласится, и у него будет возможность окунуться во что-то неизведанное и столь манящее.

– Празднуете? – девушка остановилась в метре от Нэйтена и снова затянулась сладким ароматом курительной штуковины. Глаза ее смотрели насмешливо и чуть прищурено, пристально изучая его. – У тебя такой вид, будто ты пришел на экзамен, а не на вечеринку!

– Мои друзья... эммм... – открыл было рот юноша, но не успел закончить предложение. Еще шаг, и Миата оказалась так близко, что юноша уловил терпкий запах ягод и алкоголя.

– Ты всегда так эпично тупишь, или мне сегодня повезло на эксклюзив? – кончик ее пальца, холодный, как камешек со дна ручья, коснулся его ключицы, чуть выше ворота рубашки.

Нэйтена, будто парализовало от столь наглого жеста. Он сглотнул, чувствуя, как предательское тепло растекается по телу и концентрируется ниже торса. Он хотел провалиться сквозь землю, лишь бы не показать, что попал в капкан. Но, в то же время, эта острота унижения и возбуждения пьянила, и он не желал спугнуть этот момент.

Его взгляд задержался на пальцах девушки, которыми она провела вниз по его груди. Жест был собственническим, словно она проверяла, расходитесь ли рябь от этого прикосновения по его напряженным плечам.

Где-то в глубине, под слоем смущения и растерянности, Нэйт искал остатки самообладания.

– Во-первых, я не туплю, а размышляю, – как будто давая себе время передумать, но зная, что не передумает, Нэйт медленно вынул руки из карманов. Он накрыл ладонью пальцы девушки, прижимая их крепче к своему телу, тем самым сообщая, что игра перестала быть односторонней.

– А во-вторых, ты и впрямь получила эксклюзив, – сказал он шепотом и сжал ладонь Миаты, пристально всматриваясь в ее лицо. Его глаза прошлись сантиметром за сантиметром по ее лбу, скулам и подбородку, выдавая в своей космической глубине смесь волнения и упрямства. Он ощутил, как горячие языки тьмы поднимаются по позвоночнику, наполняя его смелостью и позволяя забрать контроль.

Миата замерла, и ее губы лишь на мгновение приоткрылись, готовя очередную колкость, но Нэйт не дал ей времени восстановить свою насмешливую броню. Он быстро развернул ее на месте и потащил за собой внутрь бара. Еще секунду назад эта язвительная певичка владела ситуацией, а сейчас просто последовала за ним, и ее пальцы теперь лежали в его ладони с тихим, удивленным согласием.

Глава 3 Заговорщики

Белое, нервно дрожащее марево застилало помещение. Вместо привычного теплого полумрака их встретила туманная дымка и разноцветные лучи прожекторов, что били сверху, не оставляя ни одного укромного уголка. В таком освещении романтика и тайна исчезли, а лица танцующих приобрели весьма нелицеприятный мертвенно-белый оттенок. Даже помада на губах Миаты превратилась в маслянистый глянец. Девушка инстинктивно повела плечом, казалось, что свет проникает сквозь ткань платья и прорисовывает контуры тела с неприличной откровенностью. Нэйтен, едва сжимающий тонкие плацы девушки, ловко обогнул кружащихся в медленном танце Дженсара и Миллис, и, окинув рыжего снисходительным взглядом, взлетел на высокий стул у барной стойки. Удивительно было видеть, как самый ответственный из их честной компании уже прикладывает к уху наушник за стойкой трущих пластинки ди-джеев. Нэйтен лишь ухмыльнулся, вспоминая, как зачастую новые творческие порывы Брэндона остаются однодневным увлечением, не имеющим под собой дальновидных перспектив.

Нэйтен же, теперь был весел и немного разнуздан, и, наблюдая за друзьями, совершенно не думал о том, чем может закончиться их побег. Этот день распахнул для него неведомые двери, и в них подул прохладный и волнующий ветер перемен. Перемен, которые, как искренне верил юноша – только начало его новой жизни.

– Так значит, ты поешь здесь до всей этой музыки? Ты слишком молода для работы. – Нэйт легким движением взмахнул барной картой. – Ну, и что здесь пьют в такое время?

– Два шота текилы, Грег! – бодро кинула Миата бармену, и взобралась на соседний стул. Оказавшись на одном уровне с Нэйтеном, она повернулась так, что ее колени теперь почти касались его бедра.

– Моя мать не может содержать нас, она больна. Отец когда-то давал денег, но его постоянно нет, а теперь и вовсе след простыл. Раньше он говорил, что в каких-то важных странствиях, но я думаю, что он просто бросил нас и ушел к другой женщине, – легкомысленно выдала девушка, очевидно проникшаяся доверием к незнакомцу с первых минут. Нэйтен всегда чувствовал, насколько у него сильное поле, и многие стремились попасть в него.

Может быть, на людей оно действует еще сильнее, или это часть затеянной игры? Уж слишком мы похожи...

Нэйт не ответил, размышляя об этом. Потом он перевел взгляд на девушку и стал пытливо ее разглядывать. Возможно, он был недостаточно деликатен, однако заметил, что она отвечает на его взгляд. Она смотрела, подняв, красивые ровные брови и интригуяще поджав губы, а потом наклонилась ближе, что у Нэйта прокатились мурашки.

– Твои глаза! – неожиданно сказала она, пристально всматриваясь в лицо Нэйтена. – Они такие необычные! Я думала они карие, но теперь вижу, что нет. Они фиолетовые! Таких не бывает!

– Эээ... – юноша в одночасье онемел. Нужно было срочно выкручиваться, что же там говорили ему про неестественные для человека цвета радужки? *Ааа, точно!* – ... Это линзеры, ну... знаешь такие специальные пленки для зрения.

– Ахахаха... Линзеры. Пленки для зрения. Неужели? – Миата залилась звучным хохотом. Нэйт смотрел на нее с восторгом, и не понимал, то ли он сейчас сильно оконфузился, то ли поразил ее своим остроумием.

Мелькнул смутный силуэт бармена, лишь полы черного фартука качнулись, разрезая дым, а рука его дрогнула, и перед юношей и девушкой оказались две узкие рюмки с солью на кайме, наполненные прозрачной жидкостью.

– Ты очень смешной! Ты знаешь? – Миата с игривой искоркой в глазах подняла свой шот, и, не отводя взгляда, провела языком по ободку рюмки, а потом опустошила ее почти полностью.

Нэйт проследил за этим движением, ясно понимая, что она с ним флиртует. Где-то глубоко внутри сердце учащенно билось, а в голове, в этом адском тумане, крутилась лишь одна мысль – простая, первобытная, но такая живая и дерзкая. Юноша стряхнул с себя наваждение и выпил залпом обжигающий напиток. Хорошо, что иммунитет к алкоголю у икритов в разы превышает человеческий, не говоря уже о высших расах. Нэйтен откинулся подальше на стуле, опираясь рукой на каменную столешницу.

– О, я рассмешил тебя! Значит, моя миссия на сегодняшний вечер уже наполовину успешна! – лукаво улыбнулся он.

– Думаешь, я позволю тебе выиграть? – девушка взяла дольку лайма с края его рюмки, и, покрутив прямо перед его носом, потянула к губам.

– Я уже выиграл, когда ты сама прикоснулась ко мне, – обернул юноша против нее свою собственную уязвимость. И хотя его принципы не были нарушены, поведение Миаты призывно манило его: ее раззадоривающий тон, ее пальцы, играющие с прядью волос, ненароком выпавшей из прически, и взгляд, скользящий по его лицу и задерживающийся ровно на секунду дольше, чем предписывалось правилами этикета.

Но знала ли она, что где-то внутри него настойчиво билось о стенки сознания оставшееся там здравомыслие. Нэйтен не был бы собой, если бы позволил последним крупичкам самообладания рассыпаться в прах, а это сила ограничивающая, в отличие от страсти. Страсть – это пламя, и оно неугомонно сжигает само себя. Однако это пламя еще не разгорелось, и Нэйтен не должен был пропустить хоть на одну искру больше положенного.

– Ты врешь сам себе, – смущенно сказала Миата и поспешила перевести диалог в другое русло. – Так, где же твои друзья?

– Вон они! – указав на парочку в середине танцпола, юноша подался вперед и оказался так близко к певичке, что его дыхание замерло. Но Миллис заметила друга раньше, чем что-то вновь успело екнуть в его сердце, и помахала, жизнерадостно улыбаясь. – И, кажется, они идут сюда.

– Это мило, а я думала, мы к ним присоединимся! – грустно выдохнула Миата.

– Интересная мысль тебе пришла в голову... – начал было Нэйтен, но не заметил, как парочка оказалась уже рядом со стойкой.

– Нэйт, а вот и ты! Кто твоя дама? – глаза, сверкающие блеском лазури, растрепанные волосы и выражение лица Миллисанты, выдавали ее искреннюю радость от этого вечера.

Дженсар навалился своей тяжелой фигурой на плечи юноши так, что его локоть впечатался в столешницу, удерживая чуть ли не полный вес друга. Нэйт слегка скривился в лице от такого непотребного жеста, который портил всю идиллию. Миата же смотрела на его замешательство с откровенным удовольствием.

– Это Миата! – сказал Нэйтен и поерзал плечами, в попытке снять тяжелый груз.

– Миата, которая красиво поет! Рад знакомству! – подколот Дженс, и хлопнул друга по плечу.

– Ну что ты опять начинаешь? – возмутилась Миллисанта и протянула свою ладонь Миате. – Не бери в голову, он дурной! Я Миллисанта, можно просто Миллис!

В эту ночь, похоже, ни один Нэйтен чувствовал себя свободным и смелым. Его подруга, всегда осторожная, сейчас была чересчур легка в общении с простолюдинкой.

– Знаем таких, только, боюсь, шеф повар сегодня не в духе, и некоторые блюда могут оказаться острыми, – Миата пожалала ладошку новой знакомой и взгромодила взгляд на Дженса. Фраза была больше адресована ему, разве что он совсем не услышал сказанного, отвернувшись в другую сторону. Миллис же усмехнулась на столь сардоническую реплику.

– Там еще Брэндон, – указала она в сторону диджейского пульта. – Он сейчас будет играть! Его музыка наполняет людей светлыми переживаниями. Так он считает, это что-то вроде его долга – повышать вибрации человечества.

– Ого! Вот это рыцарь! – сказала Миата, мельком взглянув на Нэйтена, но не получила от него ни доли намека на ревность. Его внимание уже отвлекло что-то иное, или правильное будет сказать кто-то. От бывшего юношеского волнения не осталось ни следа, глаза его были прищурены, а лицо приобрело хмурной и подозрительный вид.

– Пойдемте, поддержим его! – Дженсар драматично постучал по груди в области сердца, и протянул девушкам большие открытые ладони, вызывая у них смех и девчачью неловкость.

Музыка затихла, давая место заступающей паузе, и белоснежные мерцания ламп перестали отсвечивать жутким цветом лица гостей бара.

– Вы идите, я сейчас... – Нэйт стремительно спрыгнул со стула, не упуская из виду два силуэта. Исиль с неким светловолосым пареньком под руку растворялись, как видение, в еще не до конца осевшем тумане, и ускользали из поля зрения.

– Ты куда? – в изумлении спросила Миата, вставая на пути парня и потряхивая головой в разные стороны, словно пролетевший вихрь разрушил все ее планы по соблазнению. А парочка друзей, глянув на них, с неуклюжим видом ушли к сцене.

– Миата, иди с Миллисантой и Дженсаром, нет, лучше иди домой!

– Что? Если ты не забыл, я итак собиралась домой! И это ты затащил меня обратно в бар! А теперь вот так просто уходишь?

– Прости, что нарушил твои планы! Но мне, правда, нужно сейчас уйти! – выдохнул сквозь зубы Нэйт то ли досаду на испорченный момент, то ли на привычную обреченность рыжего оболтуса. Жизнь Исиль давно превратилась в череду невысказанных катастроф, и он, Нэйтен, не успевает сейчас присмотреть за ним из-за этой девчонки! Стоит ли говорить, что и внутри самого Нэйтена просыпались чувства неумного любопытства и припрятанного авантюризма. А, эта девушка, да она привлекательная, но, в конце концов, не последняя в его жизни, да и потом – она человек, и они вряд ли когда-нибудь увидятся снова.

– Не смей так поступать со мной, Нэйт! – Миата неприятно тыкнула пальцем Нэйтеноу в грудь, и он понял, что она не готова так просто сдаваться. Выражение ее лица окрасила смесь злости, разочарования и обиды. – Я иду с тобой!

– Нет! Не идешь! – юноша шагнул вперед, пытаясь выбраться из засады, но девушка лишь снова уперлась в него ладонями.

– Нет, иду!

Нэйтен бросил на нее разгневанный, но отчасти виноватый взгляд. Она снова была слишком близко, и снова нагло дотронулась до него. Свет выхватил блеск ее глаз, влажный блик ее губ, и женское упрямство на мгновение не показалось Нэйтеноу таким раздражающим.

– Что, пойдешь за мной следом? – он выпрямился в плечах, готовясь к новому отходному маневру. Исиль с белобрысым недолго суетились у выхода, а потом быстро вылетели за дверь.

– Да, если придется! Поэтому у тебя лишь пара секунд передумать! Кажется, ты очень спешил?

Нэйтен лишь кротко покачал головой, вероятно, эту броню не пробить. *Откуда в ней столько дерзости?* Странно, но в отличие от скучной Дэмиры, которая все время вешалась на него в поместье, эта молодая особа не выглядела столь предсказуемой.

– Ладно, – хмыкнул Нэйт – Но если, я решу, что нам пора, мы уйдем без капризов. Поняла?

– А если не у...

– Миата, да что ты вцепилась? – рассерженно перебил Нэйтен, и теперь резким движением обогнул девушку и направился к выходу из бара.

– Хорошо, поняла! – девушка догнала его вприпрыжку, одарив светящейся улыбкой. – Я поняла!

Они вышли на прохладный воздух, осень уже отдавала остатки тепла, становилось все холоднее и темнее. Пара капель упала на лицо, и юноша быстро стряхнул их ладонью. Начался дождь. Фонари растекались желтыми лужами по мокрому асфальту, и в этом зыбком свете где-то вдалеке по ту сторону дороги маячил Исиль с неизвестным. Рыжий склонил голову к плечу светловолосого, да так, что их лбы почти соприкасались, и ехидно ухмыляясь, нашептал ему в самое ухо. Вся эта сцена напоминала заговор в чистом виде, а выражение их лиц было блаженное и одинаково придурковатое.

– Хмм... Второй не из наших, – тихо заметил юноша, настойчиво потянув Миату за руку чуть выше локтя и отступая в тень козырька соседнего магазина. – Может ты видела его в баре раньше?

– Не припомню такого лица, хотя я пою в этом баре почти каждую неделю, – девушка поддалась движению и скрылась за фигурой спутника.

Тяжелые капли дождя застучали по маленькой крыше магазинчика с характерным стуком. Где-то сверкнуло, и кажется, что только недавно тишина, умиротворенная вечерним сиянием луны, не предвещала ничего подобного. Двое напротив, очевидно, не замечавшие преследователей, неторопливо двинулись по мокрой дороге. Они, оглядываясь, пересекли улицу и повернули в темный переулок.

– Пошли, – шепнул Нэйт, и они последовали за ними, держась украдкой за припаркованными машинами.

Первый квартал они прошли молча, соблюдая достаточную дистанцию, дабы не напороться на обернувшуюся рыжую голову. Ветер начинал усиливаться и трепать волосы, а дождь превратился в морось, закрывая видимость происходящего. Почему-то Нэйт совсем не подумал, что будет, если друг решит воспользоваться порталом на глазах у невинной простодушки, он просто следовал за своим азартом и желанием окунуться в приключение. Но Исиль лишь резко свернул на перекрестке и скрылся за стеклянными дверьми помещения под зеленым крестом. Светловолосый остался ждать снаружи, прислонившись к витрине, и тусклое освещение неона высвечивало его холодное, невозмутимое лицо.

– Это Аптека! – выпалила Миата. – Вот это улетный прикол, конечно! Похоже, ничего интересного не будет.

– Я так не думаю, – юноша искоса посмотрел на девушку, отмечая, что ее волосы сильно промокли, и по телу пробежала дрожь. – Ты сама решила идти, почему не оделась?

Миата лишь пожалала плечами и состроила невинный взгляд. Нэйтен стянул с себя серое худи и окутал оголенные плечи спутницы. Девушка с благодарностью приняла жест вежливости, завязывая длинные рукава толстовки прямо под шейей.

Спустя пару минут, Исиль воротился с большим холщевым мешком в руках, выразительно закатив глаза, что это было заметно даже через ширину всей улицы. Он что-то вытащил из мешка и быстро пихнул в руку приятелю. Выражение лица белобрысого тут же сменилось трусливым ликованием. Закрутив мешок в нелепый сверток под мышкой, двое двинулись дальше. Миата с Нэйтеном переглянулись, очевидно, подумав об одном и том же.

Где-то на светофоре рыжий дернул плечом и обернулся. Но Нэйтен инстинктивно успел шмыгнуть за дерево, спрятав Миату между ним и собой. Его сильная рука легла на ее талию, прижимая спиной к дереву и создавая картину милующейся парочки. Волна адреналина прокатилась по позвоночнику. Они стояли так плотно друг к другу, что юноша слышал, как бьется сердце Миаты, часто и гулко, в унисон его собственному. Его взгляд сам собой упал на декольте вечернего платья, и когда он почувствовал, как дыхание девушки шекочет его ухо, поднял голову, заглядывая в ее изумрудные глаза. Он ощутил, как тонет в их глубине, такой темной, такой близкой ему. Желание накатило новой силой, и разум на мгновение помутился. Это было

пыткой, но такой сладкой и пронзительной, что Нэйтен буквально задыхался от нахлынувших эмоций. В непривычно разыгравшемся возбуждении сердца и фантазии он воспроизвел мысленно обнаженный облик девушки до того живо, что прозрел неумолимой страстью скорейшего его обладания. Он понимал, что стоит на краю пропасти, но как же ему нравилось на ней стоять. И только вся накаленность атмосферы, и нравственная жилка в его порядочной молодой душе не позволяла преступить границы дозволенного. Столько сосредоточенности, обаятельной аристократической обязательности, но от того не меньше разумной настороженности и некой растерянности.

– Ты специально завел меня в страшный темный переулок, чтобы без лишних свидетелей взять прямо здесь? – шепотом промурлыкала Миата, потянувшись к уху парня и касаясь губами его мочки, явно в попытке раззадорить.

Смущение и неловкость тот час же настигли юношу, и он отстранился, покрываясь пунцовым оттенком.

– Какая пронизательность! – едим, едва ли не насмешливым тоном прошептал Нэйтен в ответ, лишь поправляя связанные рукава своей кофты у нее на шее. – Быстро же ты меня раскусила!

– Они уходят! – усмехнулась девушка, очевидно не нашедшая способа отразить словесный удар.

Нэйтен выглянул из-за дерева, чтобы уловить знакомые фигуры, но те уже скрылись из виду. Разум тут же прояснился, краски перед глазами перестали быть расплывчатыми, а бурные чувства уступили чувствам более сдержанным, уравновешенным и четким.

Они поспешили вслед заговорщикам, свернув на аллею, где старые и новые деревья, изредка покрытые мхом, опускали свои почти опавшие кроны над большим каменистым забором. Казалось, забор протягивался во всю улицу, но вдалеке было заметно, как возвышаются густые ели, обрывая его перед лесом. Воздух вдруг сделался плотным, пахло сыростью и веяло той характерной тишиной, какая бывает лишь в аристократических кварталах. Большая вилла за забором выглядела роскошно, выдержанная в благородном итальянском вкусе, она свидетельствовала о процветании, солидности и богатстве хозяина.

– А вот это уже интересно, – задумчиво произнес Нэйтен, обводя взглядом широту раскинувшейся усадьбы.

Но, не успев дополнить свое изумление, он заприметил рыжего друга у ворот, пылко старающегося разгадать шифр замка, и светловолосого с неизвестным ему инструментом в руках. Их фигуры были едва уловимыми и нереальными в свете далекого фонаря, а массивные кованые двери с острыми пиками, тянувшиеся ввысь к небу, казались просто огромными.

– Тсс! – юноша приложил палец к губам, как бы намекая, что следует быть осторожными.

Они замерли за углом, вжавшись в холодный камень. Лицо Миаты стало сосредоточенным, даже напряженным, словно им предстояло не просто шпионить, а влезть в самую гущу событий.

– Что это они делают? – чуть слышно спросил Нэйт, заплутавший в попытках интерпретировать происходящее.

– Наверное, они хотят попасть внутрь, – тихо ответила Миата.

Нэйтен вдруг почувствовал, что еще секунда, и этот рыжий болван взорвется в неистовой мощи огня, раскрыв их тайную природу существа. Но тот терпеливо возился у дверей, то и дело, тыркая в какую-то белую коробочку.

Звук металла отозвался красивой, музыкальной игрой, словно ворота вздохнули, узнав хозяина, и створки начали разъезжаться в стороны. Темный проем раскрылся, и двое перед воротами быстро скользнули внутрь.

– Сейчас! – провозгласил Нэйт, и, схватив девушку за руку, ринулся следом.

Гулкое эхо их шагов, перекрытое шумом в ушах от приливающей крови к вискам, ветер, ударивший в лицо мокрой листвой, туфля, едва не соскользнувшая с лодыжки Миаты и неумолимый звук закрывающихся дверей, остались позади, как только парочка оказалась в стенах виллы, круто поскользнувшись на влажной траве.

Миата, сумевшая первой влететь в проем, прокатилась сквозь густой колючий кустарник, растущий с краю дорожки главного входа, и упала лицом в землю. Что-то хрустнуло. Справа от лица девушки в газон уперлась рука Нэйта, принявшая на себя большую часть его веса. Благо, он вовремя успел вытянуть ее вперед, чтобы не грохнуться прямо на спину Миаты.

– Прости, я не специально... – протянул парень сквозь зубы, удивляясь тому, что девушка не завизжала от падения.

Миата, судя по всему, еще не успела отойти от шока, что на нее навалились, и пробубнила что-то неразборчивое с легкой усмешкой. А вот Нэйтену определенно было не до смеха. Он перевернулся на спину, глубоко вздохнул и левой рукой сжал запястье правой. Оно ныло довольно сильно. Кажется, это был вывих.

– Так-так, кто это тут у нас! – вдруг раздался возбужденный возглас Исиля с мальчишеской ироничной издевкой. – Голубки пожаловали на пир!

Весь мокрый и грязный, Нэйт принял сидячее положение, обводя взором пространство. Исиль стоял в двух шагах от него, засунув руки в карманы, и бесцеремонно пялился прямо в глаза. Миата же, кряхтя, встала на колени и рассматривала свое плечо, все в царапинах, оставленных злосчастным кустарником. Дыхание Нэйтена еще не успело выровняться, пульс все еще стучал в висках. К горлу приступил комок, упорно не позволявший вымолвить ни слова. Но было уже поздно, их настигли с поличным, и операция накрылась медным тазом.

– Что за авантюру ты тут устраиваешь? – выдавил, наконец, Нэйт, поднимаясь на ноги.

– А я вижу, ты тоже хочешь поучаствовать? – рыжий демонстративно присвистнул долгим пронзительным звуком, в котором смешались и восхищение и насмешка. В темноте сада его глаза казались совсем черными.

– Я серьезно, Ис! Ты что творишь? – не выдержал Нэйт, отряхиваясь от прилипшей к брюкам мокрой травы.

– Я? – Исиль прижал руку к груди с наигранной обидой, будто его задело до глубины души. – Да мы просто посмотреть! Это же сума сойти, какая огромная усадьба! А ты, решил, что меня надо спасать?

– Я решил, что твой брат не выдержит еще одного разочарования! – констатировал юноша и протянул руку Миате, помогая ей подняться.

– Забудь про Кейта, дружище. Когда ты еще такое увидишь? – сказал Исиль, и, повернув голову в сторону девушки, с любопытством стал осматривать ее с ног до головы. – А вы мадам-муазель, желаете окунуться в ночное приключение?

– Она не будет в этом участвовать! – запротестовал Нэйтен, в попытках защитить невинную особу, которую, как ему теперь казалось, глупо было брать с собой.

– Я сама за себя могу ответить! – цокнув языком, выпалила девушка, которую, похоже, уже не волновала ее царапина на плече. – Я с радостью! Что вы предлагаете делать?

Прищурив глаза, словно раздумывая, продолжать ли этот странный, безрассудный сон, или стоит уже проснуться, Нэйтен лишь сомнительно фыркнул. Где-то у крыльца громко захлопнулась дверь, вероятно белобрысый уже пробрался внутрь виллы.

– Вот и славно, – Исиль ловко сорвал алую розу с ближайшего куста, и, протянув девушке, лукаво улыбнулся. – Это особые розы для особых гостей!

Воистину удивительными показались цветущие розы в середине ноября, когда по утрам трава уже хрустит от инея, а воздух пахнет приближающимися холодами. Нэйтен пристально следил за движениями друга, в манерах которого отнюдь не было галантности, лишь легкая размашистая небрежность, впрочем, зачастую даже привлекательная для противоположного

пола. Он поймал себя на мысли, что такая фамильярность, не знающая границ, сейчас уколола его. И пусть Нэйт давно знает все причуды рыжего, в эту минуту он вторгся в его личное пространство, вызывая тем самым чувство подобное ревности. При всем этом, он ясно понимал, что должен держаться достойно, даже, если напряжение возросло в несколько раз. Нэйт выдохнул, и решил пока просто не вмешиваться.

– Что же, – начал он с ледяной ровностью, заметив, как лицо девушки стало пунцовым.
– Если все так воодушевлены...

– Вот это я понимаю! – расхохотался Исиль, и, хлопнув в ладоши, двинулся к парадному входу.

Миата улыбнулась уголками губ, и, взяв под руку Нэйтена, потянула его следом. Юношу даже слегка отпустило волнение от ее прикосновений, и вскоре они все оказались в большом каминном зале, обставленном с особенной вычурностью. Комната выглядела эффектно. Оклеенные шелком стены цвета старого серебра переливались при каждом движении, а двери, расположенные в широких низких, богато орнаментированных арках и большие окна, сверкающие множеством мелких граненых стекол, изящно гармонировали с обивкой светлой итальянской мебели. Высокий потолок с лепниной, затейливой и пышной, терялся в полумраке, и лишь свет луны, вновь вернувшейся на небо после дождя, освещал золочение карнизов. В массивных рамах с замысловатой резьбой, висели портреты, чьи строгие лица и глубокие глаза смотрели на прибывших с невозмутимой надменностью.

– Уххх ты! – рыжий поспешно плюхнулся на диван рядом со стеклянным круглым столиком, на котором стояло пару бутылок, вероятно очень дорогого высокосортного виски и коньяка. Он легкомысленно и по-хозяйски откупорил одну, и налил в стаканы значительную порцию янтарного напитка. – Кстати знакомьтесь, это Милан! Он мой хороший напарник в таких делах!

Милан, светловолосый парнишка того же возраста, что Исиль, разглядывал антикварную статуэтку белой лошади, искусно сделанную из оникса. Он взял фигурку с каминной полки и так ловко спрятал ее в карман, что ни один из присутствующих не заметил сию пронырливость. А потом, обернувшись к новоприбывшим, радужно, с толикой дерзости в глазах, кивнул в знак приветствия.

– Господа! И дамы, разумеется, – он приблизился к стоящей парочке. – Ну не будьте такими угрюмыми! В конце концов, извольте веселиться!

Изволим! – отозвалась Миата звонким голосом и в ее глазах загорелись шальные искорки. Она лихо подскочила к дивану, бросила цветок в пустой графин и потянулась к стакану.

– Так что за дело вас связывает? – поинтересовался Нэйт, пройдясь по комнате и остановившись у многочисленных портретов на стене.

Милан без всякой тактичности, открыл новую бутылку и сделал внушительный глоток прямо из горла.

– Ох, хорошо! – блаженно выдохнул светловолосый. – На этой вилле есть пару моих вещей, и я намереваюсь их вернуть! А Ис помогает мне, – он подмигнул рыжему приятелю.

– А что это за вещи? Я помогу найти! – обрадовалась Миата.

– Да, как они выглядят? – с сомнением уточнил Нэйт. Он все еще внимательно рассматривал картины и видел в них теперь общее сходство. На всех портретах были величественно изображены люди в странных нарядах, то ли мантиях, то ли накидках. У всех женщин были одинаково заплетены длинные, черные волосы, а мужчины носили похожие колпаки. Нэйтену подумалось, будто они все состоят в каком-то одном кружке.

– Ищем все, что похоже на винтаж, фигурки, украшения, разные безделушки давно минувших дней! Они должны выглядеть очень старинно и очень дорого! – Исиль аж подпрыгнул на месте от энтузиазма и развернул большой мешок, который они с белобрысым свистнули из аптеки. Теперь мешок был пустой. – И складываем вот сюда!

– Мой прадед собирал коллекции раритетных вещей, но не успел оставить завещание. А владелец этой усадьбы прибрал их к рукам. Несправедливо, они принадлежат мне. – Милан говорил спокойно, будто так оно и было, но Нэйт у почему-то становилось не по себе.

Он покосился на рыжего, веснушчатое лицо которого растянулось в хищном оскале. Исиль осушил граненый стакан и, поднявшись с дивана, с некоторой нерасторопностью направился в сторону комнат.

– Глянем там, Милан, а? – махнул он рукой и без оглядки скрылся из виду.

– А вы посмотрите, что есть в библиотеке! – сказал блондин, будто дал указание своей свите, и через секунду также испарился за стенами зала.

Слова были брошены так небрежно, как спичка в сухую траву. Нэйт больше всего ненавидел, когда ему указывают, и сейчас почувствовал, как тьма разыгрывается в недрах его существа. Теперь он ощущал душевное сопротивление к авантюре и к доверию тем, кому доверять нельзя. Он никак не рассчитывал, что они с Миатой окажутся втянутыми в воровство. И сейчас он подошел к той тонкой грани, за которой никогда не был, но которую всегда чувствовал.

Миата уже задорно крутилась в проеме, и ей, очевидно, не лезли в голову никакие сомнения в отличие от Нэйтена.

– Нэйт, пошли! Надо помочь твоим друзьям! И только не говори, что я дурочка! – стала оправдываться она, уловив напряжение в поведении юноши.

– Ты не дурочка, но слишком доверчива. Я знаю рыжего! До добра это не доведет. Дурацкая была идея следить за ними, – честно сообщил Нэйтен, но все же, пошел в библиотеку вместе с Миатой. Оставлять одну ее было нельзя.

Библиотека представляла собой большое пространство, великолепно уставленное стеллажами с витыми колоннами по бокам. В них покоилось немыслимое количество книг, скорее всего, баснословно дорогих и редких. Паркетный пол, выложенный темным дубом в сложный геометрический узор, был натерт до зеркального блеска, а старинный секретер из красного дерева, судя по свежим следам чернил, использовался ежедневно.

– Красота какая! – взвизгнула Миата от удивления. – Ты думаешь, он врет, да? Милан. – Она взяла в руки гусяное перо, и, помахав им в воздухе, стала рассматривать вековые книги.

– Предполагаю, – сдержанно ответил Нэйтен, все еще не понимая, как вернее было бы поступить. Юноша взял маленькую, изящную шкатулку с перламутровым ободком и вертел ее в руках, внимательно рассматривая и размышляя о происходящем.

– Шкатулка хорошая, – ответила девушка, продолжая проходиться взглядом по стеллажам. – «Раскол Хаосной проекции и его последствия», – прочитала Миата на одной из книг, отодвигая ее пальчиком, чтобы взять в руки.

– Что? – юноша шмыгнул к стеллажу и вырвал у нее книгу из рук. Открыв на первой странице, он прочитал:

«В безвременье, когда Санавис уже научился вращаться в такт Единому Закону, шесть величайших Старейшин рас объединили свои силы в невозможный союз, из которого родилась Хаосная проекция – пространство без формы, но со всеми формами внутри...»

– Смотри! – девушка потрепала Нэйтена за плечо, отвлекая его внимание и заставляя поднять голову.

Нэйт обернулся, и теперь стоял напротив портрета в полный рост, на котором масляными красками изображался лик высокого, статного молодого мужчины с угольно-черными волосами и холодными глазами темно-фиолетового оттенка, сильно напоминающие ему свои собственные. Черты лица его были утонченные, аристократические: бледная кожа, острый подбородок, прямой нос и мягкая линия губ. Внизу портрета было написано – «Аллен Бредерик Элсуорт Киффер».

Чуткая интуиция сразу подсказала – Бельфимор.

– Кажется нам пора! – все сложилось в единую картину, и голос Нэйтена прозвучал резко, даже несколько грубо в умиротворенной атмосфере комнаты. Юноша обхватил ладонь Миаты, и, все еще сжимая книгу в руках, потащил ее вон из комнаты.

– Что случилось, почему? – в замешательстве спросила девушка.

– Некогда объяснять! Нужно предупредить Исиля! – они выскочили в зал, а потом ринулись вверх по лестнице, где слышались шумные возгласы и смех друзей. Нэйт, который, всегда считал себя умным, проверял факты, сегодня повелся, как последний глупец, поддавшись искушению любопытства и желанию произвести впечатление на девушку. Он чувствовал себя просто отвратительно.

Как я мог быть таким идиотом!

Мысль билась в голове, как птица, желающая выпорхнуть из клетки, и не находила выхода. Нэйтен ощутил, как к горлу подступило сковывающее чувство вины, ему стало трудно говорить и трудно дышать. Это было то самое чувство, которое возникало уже несколько раз за сегодняшний день, но только сейчас, он мог догадаться, что причины были всегда одни и те же. Они не пришли просто посмотреть, они влезли, как воры, которых юноша сам презирал еще с того момента, когда ренегаты вломилась в его собственный дом и убили отца.

Нэйтен и Миата миновали лестницу, и, оказавшись в большой темной комнате с кроватью и балдахинном, нашли заговорщиков, распивающих очередную бутылку и наполняющих мешок различными изделиями старинной работы.

– Начало семнадцатого века. Камни, скорее всего, настоящие. Бери! – светловолосый говорил властно, как заядлый авторитет банды.

Исиль механически, не глядя, хватал все, что попадалось под руку, и швырял в мешок, а находя особенно ценную вещь, издавал тихий едкий смешок.

– Нам нужно уходить! – выпалил Нэйт, еле переводя дыхание.

– Вот еще! – буркнул Милан, отправляя внутрь очередную антикварную статуэтку. – Уже полдела сделано!

– Нет, ты не понимаешь! Ис, это дом бельфимора! – неудержимо начал взрываться Нэйт, уже окутанный тревогой.

– И что дальше? – рыжий лишь беззаботно усмехнулся. – Не кипятись, друг, все под контролем.

– Слушайте дети, никто вас не держит. Проваливайте и не мешайте работать! – блондин был предельно ясен и строг в своих словах, что не один мускул не дрогнул на его лице.

– Исиль, ты умнее, чем кажешься. Я-то знаю! – продолжал Нэйтен, будто не замечая слов Милана. – Не позволяй этому прохвосту на тебя влиять!

– Нэйт, мне страшно, – тихо прошептала Миата, хватаясь за руку юноши.

– Ты ничего не брала. Мы ничего не взяли. – Нэйт слегка погладил ее трясущуюся ладонь, и вновь перевел взгляд на рыжего оболтуса. – Ну же, пошли!

Свет яркой луны начинал давить на глаза, вызывая тупую пульсирующую боль. По комнате разлетались крики и возмущения на повышенных тонах, все перебивали друг друга в начавшейся ссоре.

– Я сказал, мы забираем все! – орал Милан, срывая с полки подсвечник. – Ты приволок этих двоих, Ис, это твоя вина! Пусть проваливают отсюда, раз такие неженки!

– Моя? – рычал Исиль на светловолосого. – Да кто бы зарекался, ты хоть знал, чей это дом? А я вот теперь знаю! – рыжий поперхнулся собственной злостью. Судя по всему, его тоже стали накрывать волнения.

– Хватит! – закричала Миата, которая уже судорожно дрожала всем телом. – Мы уходим! Все и прямо сейчас, пока ...

Договорить ей не удалось. Внезапно зажглись свечи в канделябрах, а в заглушенном камине вспыхнул огонь и стал мощно и безжалостно разгораться.

– Пока не поздно? – раздался глубокий бархатный голос, в котором звучала ласковая насмешка. – О, милая куколка, уже поздно. Часа два как.

Четверо были ошарашены, и их лица в мгновение исказились от ужаса. Они обернулись одновременно – в дверях комнаты стоял хозяин виллы, тот самый с портрета в библиотеке – Аллен Бредерик Элсуорт Киффер.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.